

В.Н.Татищев

И.М. Шакинко

Москва „Мысль“ 1987

Замечательные
географы
и путешественники

Замечательные
географы
и путешественники

И.М. Шакинко

В.Н. Татищев

Москва „Мысль” 1987

ББК 26.8г
Ш17

РЕДАКЦИИ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Рецензент Е. И. НИКУЛИН

Художник А. В. КУЗНЕЦОВ

Ш $\frac{1905020000-094}{004(01)-87}$ 146-87

© Издательство «Мысль». 1987

Введение

И современники, и потомки оценивали научные и служебные заслуги Василия Никитича Татищева неоднозначно. Споры о нем начались еще при его жизни и продолжаются вот уже третье столетие, то затихая, то вновь разгораясь. Нередко высказывались самые противоположные мнения.

И в жизни, и в творчестве он предстает перед нами разным. Иногда кажется, что он соединяет в себе несоединимое. То он предстает человеком, далеко опередившим свое время, то его действия и суждения не выходят за рамки предрассудков тогдашней эпохи. Одни видят в нем гуманиста и убедительно аргументируют это, другие, считая его жестоким даже для той суровой эпохи администратором, приводят не менее серьезные доказательства. Его взгляды иногда не выстраиваются в стройную схему: бывает, что Татищев противоречит сам себе.

Однако при всей противоречивости жизни и творчества Татищева ему присуща определенная цельность и в жизненных убеждениях, и в научных принципах, выработанных при самостоятельном осмыслении мира...

Татищева сформировала Петровская эпоха — время бурных и мучительных поисков, время надежд и разочарований, побед и поражений. Деятельная жизнь Татищева началась вместе с XVIII веком, который бурей ворвался в Россию. Новый век срывал старые одежды и бороды, ломал древние обычаи и предрассудки, рушил привычные формы государственной и частной жизни, будоражил умы новыми идеями и знаниями... Появились беспокойные люди, которыми овладела жажда пере-

делки этого несовершенного мира. Среди них был и Василий Никитич Татищев. Он жил идеями своего времени и почти всегда находился на самом важном и шумном перекрестке жизни...

Среди «птенцов гнезда Петрова» Татищев по духу — один из самых близких царю-преобразователю. Вокруг Петра I много сподвижников, имена которых прочно вошли в русскую историю. Но даже самый деятельный из них — светлейший князь Александр Меншиков — всего лишь талантливый исполнитель замыслов Петра. На Татищеве тоже петровский отблеск, но он светит и собственным светом, он творчески самостоятелен...

За свою жизнь Татищев успел сделать немало. Однако тогдашняя эпоха не приняла многое из того, что предлагал этот неутомимый труженик. Ни один из его главных научных трудов, за исключением небольшой статьи, не был опубликован при его жизни, хотя с рукописями знакомились многие. Далеко не все татищевские проекты, касавшиеся важнейших проблем России, были осуществлены...

Но, несмотря на это, Татищев заметно повлиял на свою эпоху и вышел за ее рамки. По сравнению с предшественниками он сделал шаг вперед, причем зачастую шаг, начинавший новую дорогу во многих областях: истории, философии, географии, горном деле...

Творчество и деяния Татищева изучают самые разные специалисты. По выражению одного из исследователей его научного творчества, С. Н. Валка, появилась целая наука — татищеведение. И все-таки научная и практическая деятельность Татищева изучена еще недостаточно. Больше всего повезло историческим трудам Татищева. Немало исследований посвящено его философским взглядам. Име-

ются многочисленные работы о заслугах Татищева во многих других науках.

О географических трудах Татищева в дореволюционное время упоминалось довольно бегло. Они попали в круг внимания ученых только в советскую эпоху.

Первым серьезный интерес проявил к ним А. И. Андреев, который собрал и в 1950 году опубликовал татищевские «Избранные труды по географии России» со своей вступительной статьей и обстоятельными комментариями. Часть этих географических трудов публиковалась впервые.

Однако до сих пор нам известны далеко не все географические труды Татищева. Наверняка более тщательное изучение архивов пополнит географическое наследство Татищева.

Трудность оценки Татищева как географа не только в том, что исследователям не известна часть его работ. Многие географические факты, добытые им, и географические идеи и суждения как бы «вплелись» в его многие исторические, экономические, философские и иные труды.

Ведь Татищев пытался понять и изучить мир в целом, а не только отдельные его части. Таких людей называют энциклопедистами. И эта энциклопедичность давала Татищеву возможность более широко смотреть на свои ученые занятия, в том числе и на занятия географией. Может быть, поэтому его теоретические взгляды на предмет и задачи географии отличались большей глубиной и сложностью, чем воззрения его современников.

Василий Татищев не имел никаких ученых званий, не был членом Академии наук, но не только плодотворнее, чем многие «академики» и профессора, занимался наукой, но и стал ее организатором. Занимая административные, хозяйственные посты,

например посты главного горного начальника уральских и сибирских заводов, командира Оренбургской комиссии, астраханского губернатора, он широко организовал географические, геодезические, картографические, этнографические и иные исследования. Он давал конкретные и для того времени научно обоснованные задания горным служащим, рудознателям, геодезистам, учащимся школ и т. д.

Он поощрял инициативу в научных исследованиях, награждал тех, кто добросовестно выполнял их. Так, например, в 1735 году Татищев послал в Томский уезд геодезиста Василия Шишкова «для описи тамошних мест и положения на карту, а паче, чтоб старался о древностях находящихся и подземностях обстоятельно уведать, описать и, где можно, сознаменовать*». Шишков отлично справился с поручением: ревностно описывал и «куриозным местам учинил чертежи» («Чертежи обретенного в степи Абланского монастыря»).

Татищев, высылая в Академию наук перевод К. Кодратовича «Гелмолдиевой хроники о словах» и составленную Шишковым опись, чертежи и «идолов на холсте», просил академическое начальство наградить переводчика и геодезиста, при этом упомянул, что уже сам выдал в награду Шишкову 50 рублей собственных денег.

На это президент Академии наук Корф наложил резолюцию: «...оняя деньги ныне пятьдесят рублей на счет принять; токмо к нему (В. Н. Татищеву.— И. Ш.) писать, что Академия на такие чрезвычайные расходы суммы не имеет». А Василий Никитич ответил на такое сообщение в августе 1738 года: «...что же Академия наук о награждении геодези-

* Сознаменовать — зарисовать.

сту Шишкову объявляет, что впредь таких расходов принимать в счет не будет, и о том я не для принятия оных в счет Академии наук представлял, но за такие объявленные им курьозные вещи намерен дать был из моих. И если впредь такие чрезвычайные курьозные вещи кем найдены и объявлены будут, то хотя и Академия наук награждения дать не изволит, но я, не пожалев своих денег, буду давать и в Академию оные сообщать».

Татищев был не только кабинетным ученым, но и, как он сам писал, собирателем географических материалов: «...через непосредственные езды многие места видел и по делам положенным... многие известия в память собрал». Во время своих многочисленных разъездов по стране и за рубежом он внимательно и добросовестно наблюдал, расспрашивал бывалых людей, вел дневники и иные записи, собирал минералогические, ботанические коллекции.

На географию (как, впрочем, и на другие науки) он смотрел с практической точки зрения. Свои географические знания он широко использовал в своей административной деятельности: в горном деле, при выборе места для строительства городов и заводов и т. д.

Подобный подход к географии и иным наукам был потребностью времени — Россия переживала эпоху коренных преобразований. А Татищев чутко прислушивался к нуждам страны и всегда активно откликался на них реальными делами, в том числе и своими географическими трудами. И все-таки в его занятиях географией нет слишком узкого утилитаризма. Татищев не пренебрегал географическими работами чисто практического или справочного характера. Но он оставил после себя не только учебную «Практическую планиметрию», не только почтовую книгу («Дорожник»), не только конкрет-

ные географические проекты (вроде проекта о новых дорогах в Сибирь) и даже не только конкретные географические описания (типа «Общее географическое описание всея Сибири»), но и теоретические труды по географической науке.

Современные ученые считают, что именно Татищев первым из русских ученых рассмотрел теоретические вопросы содержания и задач географии: он первым заинтересовался, например, причинами возникновения географических явлений, стремился увидеть их в историческом развитии, раздумывал о соотношении истории и географии, едва ли не первым в России научно подошел к административному делению страны на губернии...

Советские географы высоко оценивают заслуги Татищева в становлении и развитии русской географической науки. Он утвердил новый взгляд на географию. Он первый (по продуманному плану) начал серьезно собирать географические и другие материалы в монастырях, церквях, архивах, у частных лиц. Он впервые широко применил для собирания географических и иных сведений анкеты, которые рассылались в разные губернии страны. Считается, что его «Предложение к сочинению истории и географии российской» (1737 г.) открыло эпоху всестороннего изучения России. Л. Е. Иофа писал: «Одна только эта анкета («Предложение...». — *И. Ш.*) обессмертила имя В. Н. Татищева в истории русской географической науки». Он первым предложил считать Уральские горы границей между Европой и Азией и убедительно аргументировал свою точку зрения. Он многое сделал для организации картографических работ.

В. Н. Татищева справедливо считают прямым предшественником М. В. Ломоносова во многих областях науки, в том числе и в географии.

Северная война

Весной 1719 года 33-летний артиллерийский капитан-поручик Василий Татищев написал царю Петру письмо, в котором сообщал, что «изобрел весьма потребные способы... к искоренению междуусобных враждеб...», и просил «выслушать прежде на словах в тайности, а потом письменно со всеми обстоятельствомы и доводы...».

Петр со вниманием выслушал идею капитан-поручика о размежевании земель в России, ведь земельные споры, приводившие к острым конфликтам, выросли до проблемы национального бедствия. Кроме того, отсутствие четких границ в стране чрезвычайно затрудняло многие преобразования.

В новом письме-представлении на имя царя Татищев, в частности, предлагал свой способ, «как о ландкарты, или чертежи земель, сочинять со объявлением угодий, то есть пашни, лесов, рек, озер, болот...».

Переписка и встречи Татищева с Петром вскоре закончились тем, что царь поручил Сенату определить Василия Никитича «к землемерию всего государства и сочинению обстоятельной российской географии с ландкартами...».

На первый взгляд покажется странным, что Петр поручил такое важное и «ученое» дело артил-

В. Н. Татищев

лерийскому офицеру. И все-таки это решение не являлось случайным.

Василий Никитич Татищев родился 19(29) апреля 1686 года и принадлежал к древнему, хотя и обедневшему дворянскому роду. Еще в детстве его определили стольником к царице Прасковье — вдове брата Петра — Ивана. Но началась война со шведами, и в 1704 году восемнадцатилетний Василий Татищев попал в драгунский полк.

Так Василий Татищев надолго расстался с родным домом и с отцом своим Никитой Алексееви-

чем. Много лет спустя Василий Никитич вспоминал: «Родитель мой, отпуская меня с братом в службу, сие накрепко наставляя, чтоб мы ни от чего положенного на нас не отрицались и ни на что сами не назывались».

Всю свою жизнь Василий Татищев действительно ни от каких дел «не отрицался», но на многие дела сам «назывался».

Долго обучать новобранцев было некогда: царь Петр, как всегда, торопил события. Уже в июле 1704 года драгунский полк, в котором служили братья Татищевы, бросили под Нарву. А в августе русские войска пошли на штурм Нарвской крепости. Здесь Василий Татищев, по-видимому, получил боевое крещение.

Драгун Василий Татищев показал себя хорошим солдатом. Уже через год, в 1705-м, он внесен в списки дворян, посылаемых за границу для обучения военному искусству, причем в списке он уже назван офицером Азовского драгунского полка. Наверное, столь быстрое повышение он получил не зря.

Но за границу на этот раз он не попал. В большом сражении при Мурмызе в Курляндии 15 июля 1705 года братья Татищевы получили ранения. После лечения имена братьев (уже в чине поручиков) встречаются в списке среди десяти опытных драгун, отобранных для обучения новобранцев.

В 1706 году умирает Никита Алексеевич. Василий Татищев получает небольшое наследство, но столь незначительное, что рассчитывать ему приходится в основном на служебное жалованье.

В августе 1706 года Василий Никитич в составе нового драгунского полка выступает из Москвы на Украину, участвует в походах и боях.

Пришлось ему участвовать и в Полтавской ба-

талии. В критический момент битвы, когда шведы стали теснить Новгородский полк, царь Петр сам повел один из батальонов в наступление. Рядом с царем оказался и драгунский поручик Василий Татищев. Позднее он вспоминал:

«Счастливым был для меня тот день, когда на поле Полтавском я ранен был подле государя, который сам все распоряжался под ядрами и пулями, и, когда, по обыкновению своему, он поцеловал меня в лоб, поздравляя раненых за Отечество. Счастливым был тот день...»

Уже в первые годы Северной войны Татищев общается с людьми из окружения Петра, заражается их настроением. Атмосфера петровских преобразований пришлась ему по вкусу. Далеко не все выдерживали темп, заданный беспокойным царем. Драгунскому офицеру Татищеву нравится постоянная деловая спешка, дух веселой озабоченности. В центре всех забот, этой бурлящей жизни он видит царя Петра, а иногда лично с ним общается. Возможно, первая такая встреча произошла еще в конце 1706 года в Москве.

По служебным надобностям Василий Никитич побывал в Польше, на Украине, около Азова, в Крыму, на Дунае и Пруте...

В 1712 году его повысили в чине и отправили «за моря капитаном для присмотрения тамошнего военного обхождения».

Но вскоре драгунский офицер Татищев переходит в артиллерию. Эта служебная перемена связана со встречей с человеком, которому суждено сыграть важную роль в судьбе нашего героя.

Яков Брюс был потомком шотландских королей. Его отец еще при Кромвеле бежал в Россию и дослужился в русской армии до полковника. Здесь в Москве и родился Яков Вилимович. Рос-

Петр I (1721 г.)

сия стала его родиной не только по месту рождения. Он стал одним из немногих, кого русские не считали иностранцем и кто пользовался особым расположением Петра.

В тридцать пять лет Брюс получил один из высших чинов русской армии — генерал-фельдцейхмейстера, что-то вроде современного маршала артиллерии и инженерных войск.

Но Яков Брюс был не только талантливым военачальником. Пушкин назвал его русским Фаустом, прозорливо увидев в нем главное — неутомимую страсть к познанию мира...

Имя Брюса прочно вошло в историю многих наук: астрономии, математики, механики, минералогии, географии... Он свободно читал и писал на восьми языках. Он переводил на русский язык

книги по астрономии и фортификации, трактаты по механике и математике, составлял словари, писал предисловия и редактировал переводы по разным наукам, в том числе и по географии.

Вот с таким человеком и свела судьба Василия Татищева. При каких именно обстоятельствах они сблизились, неизвестно, но Брюс решил перевести драгунского офицера в свое артиллерийское ведомство. С этим решением и была связана первая заграничная поездка Татищева. А в 1713 году он снова едет за границу вместе с Брюсом и почти четыре года путешествует по европейским странам, лишь на некоторое время возвращаясь в Россию.

В марте 1716 года, завершив учебу на «инженерство» и выполнив разнообразные поручения, он приезжает в Петербург, где держит экзамен и «написан» в артиллерию. В мае того же года он получает чин инженер-поручика артиллерии «для того, что он, будучи за морем, выучился инженерному и артиллерийскому делу...». Он числится в полку Главной полевой артиллерии, но фактически становится чем-то вроде офицера для особых поручений при Якове Брюсе. По его поручению он составляет «Практическую планиметрию», работает над книгой по машиноведению, руководит строительством Оружейного двора...

В 1717 году, выполняя поручение Брюса, он едет в Кенигсберг, потом в Тарунь и Гданьск и в октябре возвращается снова в Петербург.

В конце 1717 года получает чин капитан-поручика, а в начале 1718 года вслед за Яковом Брюсом выезжает на Аландские острова, где должны начаться переговоры о мире со шведами. Брюс, которому Петр поручил возглавить эти переговоры, посылает Татищева осмотреть Аландские острова для выбора места конгресса...

В годы Северной войны Василий Татищев не только воевал, не только стал профессиональным военным, но и приобрел нечто большее. Яков Брюс ввел его в мир европейской науки, заразил его страстью к познанию мира. Вместе с Брюсом Татищев посещал королевскую библиотеку в Берлине, встречался с учеными и мастерами разных ремесел, видел новые приборы и машины...

Он очень много читает, покупает книги и в России, и в европейских городах. Он приобретает книги не только по военному делу, фортификации, инженерии, но и по географии, философии, истории, астрономии... Во время заграничных поездок на Татищева словно обрушилась лавина научных знаний о мире, накопленных Европой. В XVII веке один за другим открыты новые законы физики, химии, математики, астрономии, геологии... Картина мира представлялась еще довольно примитивно: она сводилась лишь к механической модели. Но это была новая по тем временам картина мира. И кроме того, человек впервые столь поверил в себя, в свой разум, которому, как стали считать, подвластно все и для которого нет ничего невозможного.

Открыв для себя философию рационализма, Татищев был ошеломлен. Оказывается, можно понять все в этом таинственном мире. В нем все устроено по определенным законам и правилам: лист дерева и человеческое тело, машина и вселенная... И все это открыл человеческий разум. Со страстью фанатика Татищев поверил в его чудотворную силу, ту силу, с помощью которой можно овладеть миром.

Отныне и до конца своей жизни Василий Татищев будет петь гимн разуму, науке, учению, просвещению. Для него человек, овладевший разумом,

т. е. посвятивший себя наукам,— «равно как бы всея земли владетель».

Татищев стремился познать мир в целом, комплексно, как сказали бы мы сегодня. Но одной из главных наук он считал географию. Даже историю, которой он уделил наибольшее внимание, он считал только «качеством», т. е. частью географии.

Татищев наверняка знал совет Лейбница царю Петру: «...сделать точное описание страны для того, чтобы узнать ее нужды». Да, собственно, и без этого совета в России уже занимались географическими работами. Немало для русской географии сделал Яков Брюс. Уже после Азовского похода 1696 года он составил «Географическую карту частей Малой и Великой России». По инициативе Брюса и под его наблюдением перевели на русский язык и напечатали географические труды Бернарда Варения, Иоганна Гюбнера и других зарубежных географов.

Василий Никитич вспоминал, что Брюс, «будучи некогда в Сенате, с великим сожалением приметил, что за недостатком обстоятельной Российской географии и ландкарт немалое к правильным разсуждениям и определениям препятство явилось, а ис того и немалый государству вред приключался...». В 1715 году Яков Брюс подал царю представление, «дабы чрез геодезистов ландкарты всех уездов поделать и от всех городов потребные известия для сочинения обстоятельной географии собрать...».

Наверняка это «представление» (пока еще не найденное в архивах) Брюс написал по заданию царя. Как известно, Петр не только придавал важное значение географии, но и занимался сам геодезическими съемками, составлял инструкции для геодезистов, «сочинял» ландкарты, завел в Москве печатание карт, ознакомился с техникой их грави-

рования, повелел готовить геодезистов в Морской академии и т. д.

Подготовка географического описания и карт — тема неоднократных разговоров Петра и Брюса. Именно Якову Вилимовичу и поручил Петр все географические работы. И хотя Брюс, как пишет Татищев в своей «Истории Российской», был «немало отягосчен» другими важными делами, «обаче по ревности своей к отечеству, между оными уделяя время, прилежал обстоятельную русскую географию сочинить, в чем я ему по возможности спомосчествовал». Но после Аландского конгресса «прибыл в Санкт-Петербург, видя, что ему за присутствием в Сенате, в тайных советах и объявленных канцеляриях на оное времени недостает, прилежно меня к сочинению онаго поохочивал и наставлял; но как я для скудости во мне способных к тому наук и необходимо нуждных известей осмелитца не находил себя в состоянии, так ему, яко командиру и благодетелю, отказатьца не мог, оное в 1719-м от него принял...».

Не принять этого поручения нельзя, ибо оно не только Брюса, но и самого царя. Конечно, о полной подготовке Татищева для написания русской географии говорить не приходится. И все-таки Василий Никитич был подходящей кандидатурой для занятий географией. К этому времени он прочитал многие труды древних и новых географов. Об этом свидетельствуют книги, которые он покупал в зарубежных поездках и которые с его пометками хранятся в областном музее Свердловска. Знаком он был с практикой и теорией межевания.

И в этом немалая заслуга его отца — Никиты Алексеевича Татищева, который дал своим сыновьям солидное для той эпохи домашнее образование. Старших сыновей — Ивана и Василия — учил, в

частности, некий Иоганн Орндорф, который среди прочих наук неплохо знал астрономию, межевание и картографию. И сам Никита Алексеевич, хотя и числился на военной службе, не только был отличным знатоком артиллерийского дела, но и хорошо рисовал, великолепно делал чертежи крепостей и разных местностей и в конце XVII века считался опытным межевщиком и геодезистом (профессия для того времени редкая).

Так, в 1691 году Никита Татищев по поручению Поместного приказа выезжал в Дмитровский уезд «для розыску, меры, межевания и учинения чертежа в поземельном споре Богоявленского монастыря». Никита Алексеевич составил ландкарту уезда и размежевал монастырские, дворянские и крестьянские земли.

А осенью 1696 года, когда получили известие о занятии русскими войсками Азова, Никите Татищеву приказали немедленно «ехать со всевозможным поспешанием для строения в Азове, Лютике и Таганроге всяких крепостей». Ротмистр Никита Алексеевич Татищев не только строил крепости и гавани в Азове и Таганроге, не только отбивал набег татар и турок, но и занимался картографией. Вскоре после взятия Азова под руководством генерал-майора фон Менгдена была создана карта отвоеванных у турок земель. Вымерять и описывать новые земли для карты помогал Никита Татищев. Примерно в это же время другую карту, изображавшую русские земли на юг от Москвы до Малой Азии и Крымской Татарии, сочинил по материалам Менгдена капитан артиллерии Яков Брюс. Предполагают, что обе карты, отпечатанные на голландском языке у Иоанна Тиссинга, имелись у Никиты Алексеевича и их мог видеть его сын Василий.

Очевидно, свой опыт в межевании и геодезии

Никита Алексеевич сумел передать сыну Василию. После смерти отца (в 1706 г.) несколько лет подряд тянулся раздел наследства между Василием Никитичем, его братьями, сестрой и мачехой. Земли между ними размежевывали несколько раз. Практические работы по размежеванию, видимо, как самый опытный в этом деле, взял на себя Василий Татищев.

И наверное, не случаен тот факт, что первой крупной работой Василия Никитича после его возвращения из-за границы в 1716 году стало составление «Практической планиметрии» для межевщиков. Позднее он вспоминал, что поначалу работу над «Практической планиметрией» Петр I поручил Якову Брюсу, а тот, занятый другими делами, передал ее Татищеву. Очевидно, выбор Брюса был не случаен.

Василий Татищев энергично взялся за работу и, по его словам, «довольно было сделано», хотя завершить «Планиметрию» по каким-то обстоятельствам не удалось. В архиве сохранилось несколько татищевских тетрадей объемом около 130 листов. Однако главное было сделано, и через тридцать лет Татищев рекомендовал тогдашнему президенту Академии наук Кириллу Григорьевичу Разумовскому опубликовать свои давние записи, ибо они могут принести пользу «действуемой геометрии». Пользу публикации он видел в том, что «у нас великие вражды, беспокойства, смертные убивства, крайняя разорения немосчим от сильных, недоборы в казенных податях от неразмежевания земель происходят, а хотя межевщики часто для размежевания посылаются, но такие, которые ничего о геометрии не знают, ово от неведения, ово от принуждения сильных, или по страсти межуют, как хотят; а хотя и геодезисты посылаются, но и те поль де-

лити не учены и обидят людей или разоряют по их воле».

Здесь, как и во многих других случаях, Татищев один из источников зла видит в невежестве, в необразованности. Поэтому он надеялся, что его «Планиметрия» поможет оградить людей от злоупотреблений «сильных».

«Практическая планиметрия» Татищева была не просто учебным пособием для межевщиков. С ее помощью он собирался решить и некоторые социальные проблемы, например лучше осуществить податную реформу. В том же письме к К. Г. Разумовскому Василий Никитич вспоминает, как на поданное им в 1719 году представление Петр I «изволил довольно рассудить, что без уравниения и размежевания земель оные (подушные подати.— *И. Ш.*) уравнительны и постоянны быть не могут, повелел мне о том наказ со всеми обстоятельствомы сочинить и для обучения землемеров геометрию делать, которое, хотя в отлучках моих продолжилось и ко окончанию привести времени недостало...».

Так через способ правильного межевания Татищев пытался повлиять на упорядочение системы земледелия и податного обложения в стране. От межевания потянулась нить к составлению географии России.

Итак, в 1719 году Василий Татищев с увлечением принялся за новое дело. Он собирает географические книги, и особенно те, в которых говорилось о России, получает доступ к собраниям рукописных карт Петра и Сената, изучает «известия», полученные от Брюса.

По требованию Петра он составляет подробный план работы над географией и ландкартами. План этот одобрен Петром. Очевидно, с этим татищевским планом и связан именной указ Петра от 9 де-

кабря 1720 года, по которому «велено обучивших в здешней академии геодезию и географию послать в губернии для сочинения ландкарт...».

Во всех своих делах Татищев обстоятелен и добросовестен. Он не умеет, не может плохо работать. Собрав все имеющиеся материалы для географии, он видит, что их недостает для «обстоятельного» сочинения. А ведь с самого начала он ставит перед собой обширные задачи. «...Первое мое предприятие,— вспоминал он позднее,— было о сочинении географии с таким распределением, чтоб о каждом пределе математическое, физическое и политическое состояние от истории древнее, среднее и настоящее изъяснить...»

И вот тут-то Татищев «в самом начале увидел, что оную (т. е. географию.— *И. Ш.*) из древнего состояния без достаточной древней истории и новую без совершенных со всеми обстоятельства известей начать и производить невозможно, ибо надлежит вначале знать о имени, какое оное языка, что значит и от какой причины произошло. К тому же надлежит знать, какой народ в том пределе издревле обитал, как далеко границы в которое время распространились, кто владетели были, когда и каким случаем к России приобсчено. На сие требовалось обстоятельной русской древней истории...».

Но русской истории тоже еще не написано. Татищев стал советоваться с Брюсом. Яков Вилимович «разсудил», что нужно обратиться к древним русским летописям, и, взяв из личной библиотеки Петра так называемую Нестерову летопись, отдал ее Татищеву.

Так в это время судьба его делает неожиданный поворот...

10 декабря 1719 года опубликовали Берг-при-

Яков Брюс

вилегию, в которой говорилось: «Российское государство пред многими иными землями преизобилует и потребными металлами, и минералами благословенно есть, которые до нынешнего времени без всякого прилежания исканы, паче же не так употреблены были, как надлежит». Берг-привилегия взывала «ко всем и каждому» и призывала «искать, плавить, варить и чистить всякие металлы...».

Берг-коллегия и ее президент Яков Брюс наметили новые работы на Урале и исследования его рудных богатств. Решили послать на Каменный Пояс группу горных специалистов. Но людей, как всегда, не хватало. А во главе группы нужно поставить надежного и энергичного человека. Выбор

Брюса пал на Василия Татищева. Петр ¹именным указом от 23 января 1720 года подтвердил выбор президента Берг-коллегии.

Василию Татищеву 9 марта объявили указ коллегии: ехать ему «в Сибирскую губернию на Кунгур и прочие места для осмотру рудных мест и строения заводов...».

После недолгой подготовки в мае 1720 года Татищев вместе с берг-мейстером И. Ф. Блиером, берг-шрейбером Иваном Патрушевым, несколькими рудознатцами, четырьмя артиллерийскими учениками отправился в путь из Москвы на Урал.

На Каменном поясе

На Урале Татищев занялся самыми разными делами. Нужно было разобраться с жалобами рудознатцев на воевод и приказных людей, которые чинили «противности» поискам руд. Кроме следственных дел указ Берг-коллегии требовал от него «осмотра рудных мест и строения заводов...».

За время своей военной жизни Василий Татищев объехал север, запад и юг России. Теперь он впервые приехал на восток, в край, с которым будет связана значительная часть его жизни.

Как первый горный начальник, Татищев сделал очень много. Он создал в Уктусе Сибирское горное начальство, начал планомерные поиски рудных месторождений, наметил расширение старых заводов, выбрал места для строительства новых...

В первый же год Василий Никитич объездил почти весь Средний Урал. Из Кунгура он поехал на Каму и поднялся до Соликамска. Из Уктусского завода, куда он переехал в самом конце 1720 года, совершил поездки на Невьянский, Алапаевский, Каменский заводы, на ярмарку в Ирбит, на Уткинскую пристань по реке Чусовой, в Тобольск, Верхотурье и другие места.

Его разъезды по Уралу — это не просто деловые командировки, а настоящие экспедиции по всеохва-

тывающему изучению края, его природы, климата, быта и нравов местного населения. Он собирает коллекции минералов и растений, ведет подробные дневники... Он чувствует себя на Урале не как чиновник, пусть даже усердный и исполнительный, а как представитель петровского государства, как хозяин земли русской, которому до всего есть дело.

Татищев не забывает и о занятиях географией. Прежде всего он намечает составление ландкарт разных районов Урала.

Еще перед отъездом в Кунгур 14 апреля 1720 года он пишет Брюсу из Москвы, что видел у пленного шведского офицера ландкарту Казанской губернии, на которой изображена также «и часть облегающих народов Перми...». Эта карта, по мнению Татищева, «довольно исправно сделана, с разделением градусов долготы и широты. И иной (шведский офицер.— *И. Ш.*) требует за нее десяти рублей, чтоб счертить оная. Без позволения вашего превосходительства таких денег дать не смею. И ежели меньше возьмет, то заплачу своих и оную удержку до указа. Понеже не токмо города, но и деревни многие назначены, в которых мне быть...».

По приезде на Урал Василий Никитич прослышал, что некоторые пленные шведы занимаются здесь картографией. Он сразу же обращается в Берг-коллегию с просьбой поручить ему «сыскать» среди шведов «географа и ландкарту велеть ему сделать добрым порядком и с прямым размером, где бы назначены были знатные города и всякие заводы и рудные места...».

После посещения Соликамска, 14 сентября 1720 года, Татищев сообщает в Берг-коллегию: «...уведомился я, что в Сибири есть из шведских арестантов искусный географ, который может сделать добрую ландкарту. Повелите ли его призвать

и дать ему жалованье, дабы сочинил здешним местам...»

Получив разрешение, в январе 1721 года горный начальник вызвал пленного шведа Шульца из Соликама в Уктус и поручил ему составить карты земель Уктусского, Алапаевского и Невьянского заводов, «дабы государственная Берг-коллегия о положении мест, озерах, болотах, лесах и других местах лучшее известие могла иметь».

Весной 1721 года Шулец выехал на топографические съемки. Когда он приехал в Невьянск, то Демидовы запретили ему осматривать земли своих заводов, отказались дать подводы и не позволили крестьянам наниматься ему в проводники.

В конфликт этот вмешался горный начальник, и первые карты земель уральских заводов были составлены. Подлинники их и сейчас хранятся в ЦГАДА, в фонде Берг-коллегии.

Посылая рудознатцев на поиски новых рудных мест, Татищев требовал описания и чертежа местности, где открыто месторождение. Так, например, 3 июля 1721 года он приказал: «Да послать на речку Пышму, да на Ирбеть реку для осмотра рудных мест шихтмейстера Карташева с учеником... и велеть оные рудные места... осмотреть и описать обстоятельно и сделать оному чертеж».

Географические знания Василий Никитич использовал в своих практических деяниях. Довольно долго он выбирал место для будущей горной столицы Урала. Кунгур, где до него находилась горная канцелярия, он отверг, потому что главные рудные месторождения находились не на западном, а на восточном склоне Уральских гор. Уктусский завод, по его мнению, не имел будущего, ибо построен на мелководной речке.

В начале января 1721 года горный начальник

вместе с русскими мастерами и пленными шведами осматривал берега реки Исеть. «Ездил по оной реке места осматривать,— писал он в Берг-коллегию,— и хотя за зимнею погодою основания земли видеть не можно, однако ж обрели отсюда (т. е. от Уктуса.— *И. Ш.*) в шести верстах место положением берегов и довольством лесов весьма удобно, та-кож и руда ближе, нежели здесь, а по рассуждению мастеров возможно на оном месте построить четыре домны и сорок молотов...»

Поскольку Татищев собирался строить не только новый крупный завод, но и горный центр, то выбор места на Исети он обосновывал и другими, так сказать, стратегическими соображениями и географическими условиями. Место это находится «посредине всех заводов», не только нынешних, но и будущих. Приводил он и еще один аргумент.

«А весною отсюда,— писал горный начальник в Петербург,— во всю Сибирь Исетью, в Казань Чусовою и вниз Камою; к городу Архангельску — Камою вверх и потом Килтмою в Вычегду — весьма купечеству путь свободный...»

Этим северным водным путем Татищев предполагал также вывозить железо и медь в Архангельск, а из Архангельска — за границу. Правда, на север путь был не совсем «свободный». Но у Василия Татищева созрел проект, который не мог возникнуть без определенных географических познаний.

В начале 1721 года Татищев Брюсу и Берг-коллегии сделал предложение, которое в коллежском экстракте выглядело так: «От пленных-де шведских офицеров, живших в Соликамске, слышал он (*Татищев.— И. Ш.*), что на Севере оттуда есть озеро, из которого вышли две реки Кильтмы, из коих одна потекла на юг, в Каму, а другая на се-

вер, в Вычегду, впадающую в Северную Двину, и что весною из одной Кильтмы в другую свободно проходят суда с грузом четвертей по 50 хлеба. Шведы говорили, что если на версту или не более двух почистить мхи и сделать три или четыре шлюза, то все лето с добрыми судами проход будет свободный...»

Этот водный путь соединил бы Белое море с Каспийским и Черным морями. Проект Татищева был осуществлен только в первой половине XIX века, когда построили между речками Вычегдами Северо-Екатерининский канал.

Учитывая выгодное географическое положение будущего Екатеринбурга, Татищев предлагал перенести сюда ярмарку из Ирбита или открыть здесь новую. Он предлагал также отказаться от главной дороги в Сибирь через Верхотурье и провести новую через Кунгур, Уткинскую слободу на реке Чусовой и Уктус. Новая дорога была бы и удобнее и короче. Этот проект Татищева тоже был реализован позднее.

Исторический опыт показал, что Василий Никитич, учитывая географические и другие условия, прозорливо выбрал великолепное место для горной столицы. Первым главным городом Урала стала Чердынь, но после XVI века она уже потеряла свое главенствующее положение. В настоящее время Чердынь — самый маленький город Пермской области. В XVII веке столицей Северного и Среднего Урала стал город Верхотурье. История тоже «обидела» этот город — сегодня он лишь административный центр небольшого района. А Екатеринбург (с 1924 года — Свердловск) вот уже почти три столетия является одним из крупнейших городов Каменного Пояса.

«Удачливость» города на Исети заметил еще в кон-

це прошлого века писатель Д. Н. Мамин-Сибиряк. «По народной примете,— писал он,— счастливые люди рождаются в сорочке, и мы позволяем перенести это сравнение на Екатеринбург, который в ряду других русских городов занял с первого дня своего появления на божий свет совершенно исключительное место. Возникновение Екатеринбурга связано в нашей уральской летописи с именем первого русского историка В. Н. Татищева — этот последний выбрал и место для города, и служил для него как бы крестным отцом. В пестрой среде русских городов Екатеринбург является действительно «живым узлом», особенно по сравнению с другими городами, историческая роль которых, как сторожевых, военных или торговых пунктов, давно кончилась. Жизнь обошла их и создала свои новые «живые узлы»».

Еще в 1720 году, добираясь до Соли Камской, на берегу Камы при впадении в нее речки Егошихи, Татищев выбрал место для нового медеплавильного завода, потом «сочинил» чертеж крепости и заводских строений, а летом 1723 года руководил стройкой... Прошло немногим более полувека, и 16 ноября 1780 года Екатерина II подписала указ: «Уважая выгодность положения Ягошихинского завода и способность места сего для учреждения в нем губернского города, мы повелели... согласиться со владельцами того завода об уступке оного в казну... И... через сие предписываем вам город губернский для Пермского наместничества назначить в сем месте, наименовав оный город Пермь...»

Сегодня Пермь — тоже один из крупнейших городов Урала.

Забегая вперед, отметим, что горный начальник Татищев стал «виновником» появления и Челябинской крепости, которая тоже построена по его про-

екту 1736 года. Чертеж этой крепости с автографом Василия Никитича хранится в ЦГАДА. А через год он принял самое активное участие в выборе места для Оренбурга.

Таким образом, четыре современных самых крупных города Урала связаны своим рождением с именем Василия Татищева.

Кроме заводских забот горный начальник с увлечением занимается самыми разными исследованиями. Он тщательно осматривает Кунгурскую пещеру, «нарочито посылает чертеж учинить» и довольно правильно объясняет ее происхождение процессами, впоследствии названными карстовыми. Он одним из первых всерьез заинтересовался мамонтами, кости которых находили тогда во многих местах Урала и Сибири. Свои наблюдения и выводы он позднее изложил в статье «Сказание о звере мамонте».

Будучи в Тобольске, Татищев снял копию с «Книги Большому чертежу» и позднее написал к ней свои комментарии.

Вполне возможно, что в Тобольске или других местах Василий Никитич встречался с Ремезовым, Мессершмидтом, шведом Таббертом (Страленбергом), занимавшимися изучением Сибири.

Василий Татищев изучает Урал не глазами холодного исследователя. Его заботит и настоящее и будущее Урала. Он не только строит заводы, но и заботится об охране природы. Вот одна из записей его дневника при объезде заводов: «Усмотрено, что во всех этих местах... леса на дрова без надлежащей бережи рубят... Дело дойдет до того, что лесов ни в пятьдесят лет дожидаться надежды нет». В 1721 году он с тревогой доносит Берг-коллегии: «Меня ничто так не страшит, как беспорядочные поступки с лесом и великое небрежение...»

Одна из десяти глав «Наказа» Татищева заводским комиссарам называлась «О хранении лесов». А когда Василий Никитич приехал в Екатеринбург в 1734 году и увидел, что домы «пожирают» окрестные леса, то он закрыл доменное производство и издал грозный указ, запрещающий под страхом смертной казни рубить леса вокруг Екатеринбурга. Этот указ после него повторяли и другие горные начальники. Сегодня город Свердловск среди других миллионных городов страны обладает лучшим кольцом лесопарков. Так прошлое откликается в настоящем...

Василий Татищев увлекся Уралом и Сибирью и собирался остаться здесь надолго, чтобы осуществить свои обширные планы. Но судьба уже готовила ему очередной поворот.

Поднимая казенное горное дело, горный начальник неизбежно должен был столкнуться с Демидовыми. Крепко ухватились Никита Демидов и его старший сын Акинфий за Каменный Пояс. Почти двадцать лет до приезда Татищева демидовские люди искали руду, ставили заводы, мостили дороги — обживали пустынные земли. Хозяйничали Демидовы далеко не всегда по закону. Но все сходило им с рук. Стране нужен был металл, и они давали его. Давали больше, чем хилые казенные заводы, и гораздо лучшего качества. Потому и награждал царь Петр Никиту Демидова новыми привилегиями. Воеводы не имели права вмешиваться в их дела, и они почувствовали себя некоронованными королями Урала.

Но приехал капитан Татищев, стал энергично поднимать старые казенные заводы, строить новые и над демидовскими заводами начал устанавливать свой контроль, пресекать беззакония. Акинфий Демидов попытался подкупить горного начальника,

но Татищев взятку «презрел». И началась схватка двух «хозяев» Урала, схватка то явная, то скрытая, но всегда напряженная и яростная.

Борьба между Демидовыми и Татищевым разгорелась прежде всего из-за людей. Демидовы добывали рабочие руки для своих заводов, в основном обходя законные пути.

Каждый год со всех концов России стекались на демидовские заводы опальные стрельцы, волжская вольница, рекруты, раскольники, бежавшие от гонений за веру, беглые крестьяне и каторжники... Всех принимали Демидовы, не спрашивая, кто и откуда, и прятали в потайных местах. А когда зарастали бритые лбы и вытравлялись воровские клейма, определяли к горной и огненной работе.

Слухи о Демидовых, которые принимали людей вне закона, ходили по всей стране. Татищев в одном из своих донесений в Берг-коллегию сообщал, что у Демидова «выдачи беглых не бывает».

Никита и Акинфий Демидовы сманивали рабочих людей и мастеров и с казенных заводов. Шли к ним охотно, ибо платили они больше. Уже при Татищеве Акинфий Демидов сманил высокой оплатой лучших мастеров с Уктусского и Алапаевского заводов.

Потому и хирели казенные заводы, потухали домны, смолкал стук молотов, в то время как на демидовских заводах работа шла полным ходом.

«От Демидова нам остановка,— писал Татищев Берг-коллегии,— что работникам прибавливает за работу над потребность, чего ради мы не можем здесь никакого доброго порядка учредить... Здешние (т. е. уктусские) многие хотят к нему иттить, а другие и ушли, понеже нигде принимать не смеют, а ему откуда такая вольность дана, не знаю».

На каждом шагу сталкивался горный начальник с «противностями» Акинфия Демидова. (Отец, Никита, бывал на Урале наездами.)

Демидовские заставы ловили рудознатцев и запрещали искать руду для казны, грозя «пометать в домны».

Демидовские люди сгоняли уктусских работников с казенного рудника и увозили добытую ими руду к себе.

Демидовские солдаты «били плетьюми и кнутом смертельно» крестьян, нанятых по приказу горного начальника для сопровождения «железного» каравана по Чусовой. Били, приговаривая: «Не наймайся на государевы коломенки, а плавай на демидовских».

Демидовская стража выгоняла с невьянских земель посланных Татищевым геодезистов...

Акинфий Демидов не признает власти горного начальника. С татищевскими посланцами он не разговаривает, а допускает их только до приказчиков. А те, зная наставления хозяина, ведут себя нагло. Курьеру Татищева, посланному с одним из указов, приказчик Балакин заявил: «Ответа вам нет и не будет, не посылайте к нам ни за чем. Мы капитану не послушны, дела до нас ему нет, и впредь бы он к нам указов от себя не посылал, а приезжал бы сам, а его посыльщиков с указами будем держать скованными в тюрьме до хозяина».

Дерзости Акинфия Демидова похожи иногда на злые шутки. Возможно, он рассчитывал, что обида ослепит Татищева и он наделает глупостей... И тогда пропал капитан!

Но горный начальник хладнокровно ведет розыск по каждому незаконному делу Демидовых. И почти к каждому своему донесению в Берг-кол-

легию он прилагал документы, обличающие деми-довские «противности».

Правда, далеко не все эти документы доходят до Петербурга. Где-то на пути между Уралом и столицей они бесследно теряются, причем часто исчезают вместе с курьером.

Чей-то тайный и зоркий глаз постоянно держит под контролем переписку горного начальника.

В конце января 1722 года Татищев выехал из Уктуза в Москву и Петербург, чтобы решить в Берг-коллегии, с Яковом Брюсом и императором разные горные дела. Сначала казалось, что все идет хорошо. Ему во многом идут навстречу. Кроме горных дел он обсуждает с Яковом Вилимовичем и с Петром свои дальнейшие исторические и географические занятия...

И вдруг — удар в спину...

Никита Демидов пожаловался самому императору, что Татищев чинит обиды и «разорение» демидовским заводам. Старик Никита выбрал удачный момент для жалобы. Совсем недавно он заслужил очередную похвалу Петра за отличное качество металла, выплавленного на Невьянском заводе. Царь специальным указом запретил употреблять в кораблестроении и для важных военных нужд железо всех других заводов, кроме демидовских. Никита Демидов блестяще справился и с поставкой дуба для кораблей...

Петр принял устную жалобу Демидова, но выслушал и Татищеву. Разобрать конфликт царь поручил генералу Геннину, который руководил Олонецкими заводами. Перед Персидским походом Петр вручил Геннину свою инструкцию. Генерал посылался на Урал для «исправления железных и медных заводов». Был в инструкции и такой пункт: «Розыскать между Демидовым и Татищевым, также

В. И. Геннин

и о всем деле Татищева, не маня ни для кого, и писать о том в Сенат, а также в Берг-коллегию и Нам».

Хотя Татищев не чувствовал себя виновным, но все-таки подал в Берг-коллегию доношение, в котором просил «отрешить» его от горного начальства до окончания розыска. Уже в дороге на Урал, куда он выехал вместе с Генниным и другими горными специалистами, его догнал указ: «Капитану Татищеву быть в Сибири при розыске с Демидовым у генерал-майора Геннина, а у горного начальства ему до окончания того дела быть не надлежит».

Приехав на Урал, Геннин начал следствие и вскоре убедился в несостоятельности доноса Демидова. Причину же демидовского доноса на Татищева Геннин в письме к Петру объяснил так:

«...До сего времени никто не смел ему (Демидову.— *И. Ш.*), бояся его, слова выговорить, и он здесь поворачивал как хотел.

Ему не очень мило, что Вашего величества заводы станут здесь цвель, для того, что он мог больше своего железа продавать и цену наложить как хотел, и работники б вольные все к нему на заводы шли, а не на Ваши. А понеже Татищев по приезде своем начал прибавливать или стараться, чтоб вновь строить Вашего величества заводы, и хотел до горной привилегии поступать о рубке лесов и обмежевывать рудные места порядочно: и то ему також было досадно и не хотел того видеть, кто б ему о том указывал...

Наипаче Татищев показался ему горд, то старик не залюбил с таким соседом жить и искал как бы его от своего рубежа выжить, понеже и деньгами он не мог Татищева укупить, чтоб Вашего величества заводам не быть...»

Поскольку Геннин считал свою поездку на Урал временной, то предлагал Петру вновь назначить Татищева горным начальником, ибо «к тому делу лучше не сыскать, как капитана Татищева. И надеюся,— писал дальше Геннин,— что Ваше величество изволите мне в том поверить, что оного Татищева представляю без пристрастия, не из любви или какой интриги, или б чьей ради просьбы, я и сам его рожи калмыцкой не люблю, но видя его в том деле смысленна, рассудительна и прилежна...».

До решения суда Татищев оставался на Урале в качестве подследственного. Но и в таком положении он продолжал упорно работать. Он познако-

мил Вилима Геннина с горными делами и убедил его продолжить строительство нового завода на Исети.

Дело в том, что, послав в феврале 1721 года свой проект в Берг-коллегию, Татищев, не дожидаясь ответа, начал строительство. Но в мае получил неожиданный ответ: «Железных заводов до указа строить не велеть...», ибо коллегия считала, что «железных заводов везде довольно».

Стройку на Исети законсервировали. И вот теперь Геннин, убежденный Татищевым и имевший большие полномочия, решил продолжить стройку на Исети. Поскольку у нового горного начальника было много других дел, а в Татищеве он увидел человека надежного, то строительство нового завода возложил в основном на его плечи. Еще в декабре 1722 года Геннин писал Брюсу, что Татищев «здесь о всем известен и к строению заводов, и вижу его в том деле радение и искусство, того ради определил я его к тому делу до указа... Однако ж я только у строения велел быть, а не в Берг-амте сидеть...».

Так подследственный Татищев стал чем-то вроде начальника строительства и главным архитектором строящегося на Исети завода. Он же руководил многими работами...

В ноябре 1723 года завод на Исети, который в честь императрицы называли Екатеринбургским, начал работать. А еще в сентябре Геннин получил от Петра письмо, в котором тот разрешал Татищеву снова быть у горных дел, «ибо он по делу с Демидовым оказался прав...».

В конце ноября 1723 года Геннин отправил Татищева в Петербург для решения разных горных дел. Кроме того, должен был состояться «вышний суд» по делу Татищева и Демидова.

Петербург- Стокгольм- Петербург

В самом конце 1723 года Татищев приехал в Москву, а затем в Петербург. Позднее Василий Никитич вспоминал: «...взят я ко двору, где был при его величестве близ года».

С новым усердием занимался Василий Татищев уральскими делами и в старой и в новой столицах. Он атакует Берг-коллегию новыми предложениями, согласовывает новые штаты уральских заводов...

О горных делах Татищев часто беседует и с самим императором. Петр слушает его внимательно — последнее время горное дело все чаще в центре его забот. Император постоянно подгонял Геннина, требуя от него все больше и больше металла. На это добросовестный генерал отвечал: «Хотя я в трудах разорвуся, однако заводы новые, железные и медные, не могу скорее строить...» И при этом ссылаясь на недостаток «искусных людей в горном заводском деле».

Татищев знал об этом не хуже Геннина и пытался найти выход. Поскольку средств у казны, как всегда, не хватало, Василий Никитич составляет свой проект частной медной компании для привлечения на Урал капиталов новых промышленников. Этот проект царь «принял за благо».

Татищев подает в Сенат и Берг-коллегию и дру-

гие проекты: об организации почты, «учинении фабрики инструментов», улучшении горного управления...

В конце мая 1724 года Сенат принимает указ: по повелению императора «от артиллерии капитану Василию Татищеву быть советником от Берг-коллегии в Сибирском горном начальстве».

Но на Урал Татищев тогда так и не поехал. Снова на Каменный Пояс он попадет только через десять лет. Почему же, несмотря на сенатский указ, он не уехал в Екатеринбург?

Виноват в этом был император Петр I.

В Петербурге и Москве Татищев занимался не только горными делами. В начале 1724 года состоялся «вышний суд», который полностью оправдал Татищева. О Никите же Демидове суд постановил: за то, что «он не бил челом о своей обиде на Татищева у надлежащего суда, но, презирая указы, дерзнул его величество в неправом деле словесным прошением утруждать, вместо наказания взять штраф 30 000 рублей...». Кроме штрафа Демидовы должны возместить убытки и Татищеву.

Сумма штрафа была огромна даже для Демидовых. Петр, чтобы не отпугнуть других «охочих» к заводам людей, велел посоветоваться с Генниным... Кончилось тем, что штраф с Демидовых в пользу казны так и не был взят...

Император был рад невинности Татищева. Рад тому, что в делах оказался прав первый горный начальник и что взятки никаких не брал... Случай для того времени уникальный. Редкий из крупнейших петровских помощников, редкий из сенаторов не были замешаны в каких-либо злоупотреблениях...

Уже вскоре после приезда Василия Татищева, в январе 1724 года, перед зданием Сената вывели

на эшафот восемнадцать преступников, в основном это были люди, занимавшие крупные посты. Среди них — сам обер-фискал Нестеров, человек, в обязанность которого входило выискивать и искоренять нарушения законов, в том числе мздоимство и казнокрадство, человек, который пользовался особым доверием царя. Нестерову не просто отрубили голову, как другим, а присудили к мучительной казни — колесованию...

В последнее время Петр с неудовольствием оглядывал ряды своих приближенных. Многие, кого он долгие годы натаскивал, приучал к большим делам, не оправдали его доверия. Одни состарились, устали и думали теперь о покое. Другие, по выражению Ключевского, не столько «поддерживали» реформу, «сколько сами держались за нее».

Отношение Петра к своим старым соратникам в последние годы его жизни изменилось. И прежде всего к ближайшему помощнику и другу Александру Меншикову. Александр Данилович был, безусловно, своеобразно талантлив. Энергичен. Напорист. Смекалист. Расторопен. С полуслова понимал Петра и в делах его «поспешал» с «усердным прилежанием».

Заслуги Меншикова в петровских преобразованиях общеизвестны, хотя нередко и преувеличенны. Он участвовал почти во всех важнейших сражениях Северной войны, в боях был отважен до безрассудства. Но еще современники сомневались в его полководческом таланте.

В последние годы Петр уже не говорил «о совершенном доверии» к Меншикову. Царь грубо обругал светлейшего, когда увидел, что «прорытые под его смотрением» каналы на Васильевском острове оказались никуда не годными. Успокоившись, Петр сказал:

— Я сам виноват, да поздно понял. Сие дело не Меншикова, он не строитель, а разоритель городов.

Петр вывел Александра Даниловича из состава делегации, которая посылалась в Швецию в 1721 году в связи с заключением Ништадтского мира. Посол Кампредон приводит слова Петра: «Меншиков говорит по-немецки и, следовательно, может обнаружить перед всеми свою бездарность и наговорить глупостей, на которые он только и способен». Петр предложил вместо Меншикова адмирала Федора Апраксина: тот, «правда, не умнее его (Меншикова.— *И. Ш.*), но он, по крайней мере, говорит только по-русски, и ему дается хороший переводчик, который будет говорить за него умные вещи».

Но главным пороком Меншикова было ненасытное стяжательство. Взятки, махинации, казнокрадство... Только их перечень заполнил бы несколько страниц.

Петр штрафовал своего лучшего друга, избивал дубинкой, грозил смертной казнью — ничего не помогало. И возможно, Меншиков попал бы на плаху, если бы не смерть Петра. Впрочем, он сам создал Меншикова таким, каким тот стал...

Петр перестал доверять и многим другим своим соратникам. Последний удар императору нанесла Екатерина. Петра потрясла не только супружеская измена, но и то, что Екатерина вместе с обер-камергером Вилимом Монсом в его же доме торговала чинами и званиями, заступничеством перед императором...

С тревогой оглядывал в последний год Петр ряды своих соратников. Он требовал от сенаторов и генералов под страхом разных наказаний точного исполнения своих указов и одновременно само-

стоятельности при решении дел. Но в то же время он подавлял самостоятельность, постоянно вмешиваясь в детали и мелочи государственного управления. Петр внушал страх, который парализовывал волю и ум приближенных, и они стали больше заботиться не о самом деле, а о том, как угодить грозному монарху.

Генерал-прокурор Павел Ягужинский, которому Петр поручил контроль за Сенатом и коллегиями, с горечью отмечал: «Каждый из министров хлопочет лишь о своих личных интересах и обманывает царя как только может».

После того как «вышний суд» оправдал Татищева, Петр приблизил его к себе, ибо увидел в нем искреннего и даровитого последователя своих реформ. Увидел то, чего не мог видеть во многих других своих соратниках.

Они часто встречались в 1724 году, причем говорили не только о горных делах. Не было, пожалуй, ни одной крупной проблемы, которую император не обсуждал бы с капитаном, а затем с горным советником Василием Татищевым. В продолжение четверти века после смерти Петра Василий Никитич, занимаясь самыми разными делами, которые продолжали петровские замыслы, будет постоянно ссылаться на свои личные разговоры с императором и в большинстве случаев отнесет их к 1724 году...

По крайней мере дважды заходил у них разговор о русской географии. Дважды Петр напоминал Татищеву о поручении, данном в 1719 году,—сочинить «обстоятельную российскую географию с ландкартами». «Сего ради,—вспоминал Василий Никитич,—прилежал я принадлежащие до того книги, а особливо до географии принадлежащие истории, собрать, из которых уже большею частью

купил и двух человек студентов для помощи в латинском, французском, шведском и немецком языках принял...»

Но работа эта прервана была новым поручением Петра.

Петр для Татищева был почти образцовым монархом. Свое личное отношение к нему он выразил такими словами: «Все, что имею, чины, честь, имение и, главное над всем, разум, единственно все по милости его величества имею, ибо, если бы он меня в чужие края не посылал, к делам знатым не употреблял, а милостью не одобрял, то бы не мог ничего того получить».

И у Петра, и у Татищева был примерно один и тот же «образец» будущей России, во многом общие идеалы и общие заблуждения. Французская исследовательница биографии и творчества Татищева Симона Блан увидела даже нечто общее в их жизненной судьбе. «Татищев,— пишет она,— переживает, хотя и на ином уровне, ту же трагедию, что и его покровитель и любимый государь Петр Великий».

Однако у Василия Татищева не было слепого поклонения перед Петром. Позднее, в 1730 году, в своем «Разсуждении... о правлении государственном» он запишет: «Единому человеку великую власть над народом дать небезопасно, ибо как бы мудр, справедлив, кроток и прилежен ни был, беспогрешен и во всем достаточен быть не может».

Татищев критически относился, например, к податной реформе Петра. Торопливой и недостаточно продуманной он считал организацию Академии наук.

Татищев вспоминает такой эпизод.

«1724, как я отправился во Швецию, случилось мне быть у его величества в Летнем доме. Тогда

лейб-медикус Блюментрост, яко президент Академии наук, говорил мне, чтоб в Швеции искать ученых людей и призывать во учреждаемую тогда Академию в профессора. На что я, разсмеявся, ему сказал: «Ты хочешь зделать архимедову машину очень сильную, да поднимать нечево и где поставить места нет». Его величество изволил спросить, что я сказал. И я донес, что ищет учителей, а учить некого, ибо без нижних школ Академия она с великим расходом будет бесполезна».

Петр ответил притчей о мельнице, смысл которой в том, что нужно начать строить мельницу и канал к воде и это начало «понудит» наследников закончить...

К сожалению, Татищев оказался прав: разрыв в системе образования привел к тому, что в Академии долгое время не было русских ученых...

1 октября 1724 года Петр подписал указ Сенату о посылке в Швецию советника Берг-коллегии Татищева. В Швеции Василий Никитич должен был ознакомиться с горными промыслами, денежным делом и «прочими мануфактурами», нанять для работы в России шведских горных и иных мастеров, устроить для обучения горным делам русских учеников... Кроме того, ему поручались и «секретные дела»: «смотреть и уведомится о политическом состоянии, явных поступках и скрытых намерениях оногo государства».

Поручения эти (особенно последнее) говорили о высокой степени доверия Татищеву со стороны Петра I.

В начале ноября 1724 года Василий Татищев выехал из Петербурга в Стокгольм. Шведские правительственные круги встретили его настороженно. Ему не разрешили нанимать шведских мастеров и не очень охотно устраивали русских учеников для

обучения. Осложнилось его положение и тем, что вскоре после приезда в Стокгольм Татищев простудился и заболел.

А затем его постиг еще один роковой удар — в Швецию пришло известие о смерти Петра I. Эта весть была для Татищева потрясением. Ослабленный болезнью, он надолго слег в постель. А когда посол в Швеции Бестужев пригласил его подписать присягу императрице Екатерине I, то Татищев под разными предлогами дважды отказался это сделать и подписал только на третий раз. Об этом донесли Екатерине...

В марте 1725 года, оправившись от нервного потрясения и болезни, Татищев продолжает знакомиться с горнозаводской промышленностью Швеции. Он посещает серебряные копи, медные и железные рудники, горные заводы, денежные дворы, каналы и т. д. Он встречается со шведскими инженерами, снимает чертежи с машин, изучает денежную систему, анализирует экономическую и торговую политику шведского правительства.

В Стокгольме Татищев общается со многими шведскими учеными. Удачей для него стала встреча с Филиппом Таббертом, с которым он был знаком еще в Тобольске.

Попав в плен под Полтавой, Табберт десять лет (1711—1721) провел в Тобольске, где усердно занимался сбором материалов по истории, географии и этнографии Сибири, участвовал в экспедиции Мессершмидта, составил несколько карт Сибири. Одну из них Табберт в 1722 году поднес Петру I, который даже предложил шведу остаться в России и заниматься здесь землемерием и картографией.

После возвращения в Швецию Табберт получил фамилию Страленберг. На родину он привез собранные в Тобольске материалы и стал работать

над историко-географическим трудом о Сибири. Уже в письме от 18 декабря 1724 года Татищев сообщал в Петербург И. А. Черкасову: «Здесь подполковник Таборт историю сибирскую весьма с довольным обстоятельством совершил и ландкарту вскоре будет печатать». Позднее Василий Никитич напишет на эту книгу свои примечания.

Через Страленберга Василий Никитич вошел в круг ученых Шведской Королевской академии. Он близко сходится с некоторыми из них, в частности с Гариком Бреннером — знатоком восточных языков, ассессором коллегии древностей. Бреннер интересовался древней историей Швеции и России (он пробыл в русском плену с 1700 по 1722 год), показывал Татищеву старинные шведские памятники письменности, в которых содержались сведения и о Руси. О своих беседах с Бреннером Татищев вспоминает позднее в своей «Истории Российской»: «Гандорик — имя норманское, как мне библиотекарю королевский Бреннер толковал, значит великий град или область».

А в росписи вещей, купленных Татищевым для Кабинета, имеется такая запись: «Секретарю Биорнеру за выписку из древних книг, касающихся до России, по трем распискам 38 руб. 62 1/2 коп.». Эрик Биорнер, секретарь коллегии древностей, тоже хорошо знал исторические документы шведских архивов и библиотек. Татищев сообщал, что получил от него «известие краткое, что до российской истории из здешних древних книг выбрать могут».

А профессор Эрик Бенцелиус сообщил Василию Никитичу, что в библиотеке Упсальского университета «множество российских древних историй и протчих полезных книг обретается».

Через Страленберга и его шведских коллег Татищев установил связи и с немецкими учеными.

12 марта 1725 года Страленберг писал берлинскому лингвисту Иоганну Фришу: «Здесь в Стокгольме находится русский горный советник Татищев, очень интересный и образованный русский. Он охотно согласился взять в Петербург для перевода имеющийся у меня труд Абулгази и обещал проверить его текст. Татищев хорошо говорит по-немецки и неплохо пишет. Он взял на себя труд составить примечания ко всем статьям о России в «Staats» и «Zeitungs Lexicon» Гибнера. Татищев сам напишет об этих примечаниях Гибнеру, обещая ему их переслать. Если бы у меня было время, я списал бы для Вас копию этих примечаний, так как в них очень много интересного; в словаре не осталось ни одной статьи, в которую Татищев не внес бы свои исправления».

Примечания на «Лексикон» Иоганна Гибнера являются первым географическим трудом Василия Татищева. Долгое время этот труд считался утерянным. И только несколько лет тому назад в Центральном государственном архиве древних актов удалось обнаружить эти татищевские примечания на немецком языке. Особенно интересными оказались географические и исторические сведения об Урале и Сибири.

В Стокгольме Татищев пишет и публикует на латинском языке статью о мамонтовых костях, обнаруженных на Урале и в Сибири. Это единственный научный труд Татищева, напечатанный при его жизни, да и то не на родине и не на родном языке.

Именно в Швеции вновь окрепло у Татищева намерение целиком посвятить себя сочинению русской географии и истории. Он уже не намерен, вернувшись в Россию, заниматься горными делами. И вот почему. В 1724 году он должен был сменить

Геннина и вновь стать главным горным начальником над уральскими и сибирскими заводами. Но в 1725 году Геннин решил остаться на Урале, и теперь Татищев мог быть только его помощником. Но между Татищевым и Генниным уже наметились разногласия в горной политике. Василий Никитич понимал, что при Геннине он не сможет действовать самостоятельно и осуществлять свою программу, быть же только исполнителем чужих приказов он не хотел.

Поэтому он и избрал своей главной самостоятельной работой географию и историю. В письмах к И. А. Черкасову Татищев вспоминал о намерении Петра I определить его к межеванию земель и к «сочинению обстоятельной российской географии с ландкартами». Он вспоминал также, что в 1724 году император дважды, «у вод (Марциальных) и в Москве», напоминал ему об этом задании. Татищев пишет Черкасову, что эта работа «для превеликой пользы всего государства за великое дело почитаемо быть может». Он просит Черкасова доложить о своем предложении императрице Екатерине и выражает уверенность, что «ее величество всемилоостивейшая государыня императрица за благо принять соизволит и к оному необходимые книги купить и о том сочинении мне или иному трудиться повелит».

Далее Василий Никитич излагает программу работ, для которых ему понадобятся всего несколько помощников. Он собирается использовать свое пребывание за границей для изучения практики межевания и составления ландкарт в Швеции и других европейских странах. Он сообщает, что в Швеции не жалеют средств на составление карт, что шведскому королю сочинение только лифляндских «землемерий и карт» «неколько сот тысяч стало». Он

собирается провести картографические работы намного дешевле и считает, что затраченные средства вскоре оправдают себя. «...Я же не могу думать, чтоб в российском так великом государстве казенных денег 20 000 рублей издержать невозможно было, но и то короткое время с довольством народа возвратиться имеет».

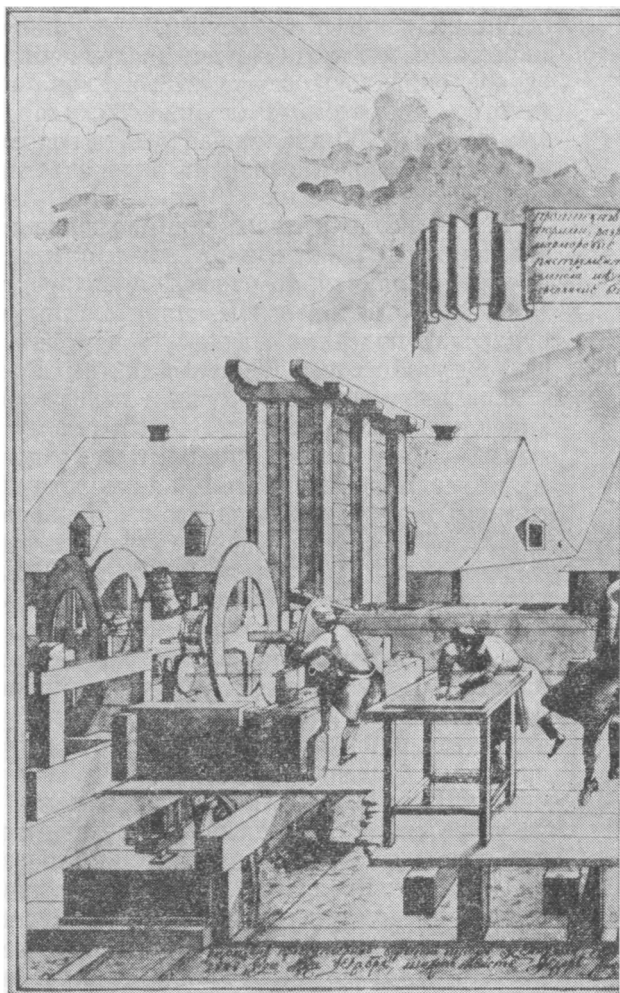
На это свое предложение Татищев не получил никакого ответа, как, впрочем, и на многие другие. А если и получал, то отказы. А он предлагал много полезного: купить в Швеции машины, «весьма государству полезные», заказать чертежи заводов и шахт, приобрести рукописи и книги о России...

Он расходует свои личные деньги на чертежи, книги, рукописи и т. д. Поскольку ему перестали высылать жалованье, то он влезает в долги и потому не может выехать из Швеции, хотя Берг-коллегия требует его немедленного возвращения.

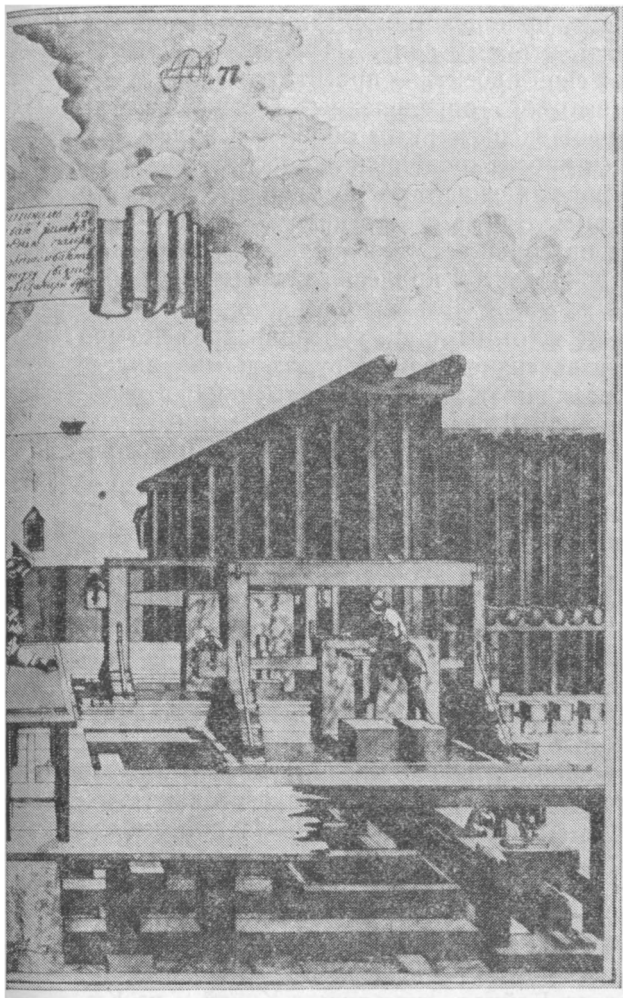
После длительной переписки Берг-коллегия высылает нужные деньги, и 12 апреля 1726 года Татищев покидает Стокгольм. В начале мая он прибыл в Петербург.

Несколько месяцев он приводит в порядок материалы, привезенные из Швеции, и пишет отчеты Берг-коллегии и императрице. Коллегия торопит Татищева. Она требует от него «бес продолжения времени» составить отчет и выехать в Екатеринбург к Геннину. Но Татищева, как мы знаем, это не устраивает. Он подает в коллегию «доношение», в котором доказывает нецелесообразность посылки его на Урал. Раздраженная его упорством коллегия принимает новое решение: послать Татищева в Нерчинск, на серебряные рудники. Это уже походило на ссылку. И Татищев принимает все меры, чтобы избежать ее.

В ноябре 1726 года он обращается с челобитной

Екатеринбургская гранильная мастерская, созданная

по инициативе В. Н. Татищева

к императрице, просит не посылать его в Нерчинск, «а определить к иному делу». И об этом ином деле он подает свой проект, — проект, который нельзя было составить без определенных географических знаний, касающихся главным образом Сибири. Татищев подает проект о сибирских дорогах.

Как и в других своих проектах, он прежде всего разъясняет смысл, цель своего предложения.

Сначала он сообщает, что «повелено» ему «для принадлежащей до той коллегии дел быть в Сибири».

«И понеже я, быв в оной губернии чрез четыре года, имел известия о разных рудах и минералей, також и о различных потребных каменьях; а особливо в провинции Даурской находятся медные весьма прибыточные руды, яшма светло и темно зеленая, которых горы великие суть...»

Далее Татищев перечислил самые разные сибирские богатства: и свинец, и селитру, и квасцы и т. д. и т. д.

«И тако оное от Бога преуготовленное Вашему величеству и всему нашему государству богатство остается тщетно.

Причина же тому, что надлежащие пути весьма худом состоянии, а наипаче дороги под меру положены кривы, что провоз один цену привозных морем таких же вещей превосходит. О исправлении же онаго и приведение в надлежащее состояние трудился ли кто, о том мне неизвестно. И понеже сие исправление Берг-коллегии не подлежит, того ради дерзаю всенижайше Вашему императорскому величеству донести, в чем те худобы состоят и какого исправления мню потребно быть может».

И далее предлагается следующее.

Через озеро Байкал, «где путь в Китай и из Китая», товары возят на легких дощаниках и лодках,

которые ветром часто заносит в другую сторону, а товары мокнут и гибнут. Татищев предлагает «послать туда мастеров и матрозов, чтоб сделать четыре домшоита для перевоза товарой и два бота или буера для нужных ездаков». Затраты окупятся очень скоро, ибо «с охотою всяк с товаров от пуда до десяти с человека по 20 копеек платить будет». А в устьях рек Селенги и Ангары «для покоя же проезжающих... построить хорошие гостиницы и отдать на откуп...».

Во втором пункте проекта Татищев пишет: «На реке Ангаре множество порогов, а между оными Падун и Симанский труднейшие, ибо для широты очень мелкие и каменя валючего много», а потому из судов «все товары обносят берегом, а суда порозжие с трудом проводят». Он предлагает «из тех порогов вредительнейшие каменя выбрать и в тех местах реку неколико теми же каменями съузить» и сделать те места судоходными.

В проекте предлагалось также Маковский волок от Енисейска до реки Кети «расчистить и наместить», а по Оби, Кети и Иртышу ходить не на дощаниках, а на эверсах (судах лучшей конструкции.— *И. Ш.*).

Предлагалось провести и новый Сибирский тракт. «Сухой путь из России в Сибирь и чрез всю Сибирь сделан так далек, что вдвое или более, нежели ему быть можно, ибо все купцы и посыльные ездят с Москвы чрез Вологду, Устюг, Соль Вычегодскую на Верхотурье и до Тобольска с три тысячи верст. Мало же ближе и чрез Казань на Верхотурье. От Тобольска же в Дауры чрез Тару, Томск, Енисейск и до Иркутска и того кривяе...»

Татищев предлагает две трассы новых дорог, «которые едва ли не половиною ль ближе будут. Первой: от Москвы чрез Владимир, Юрьевец, Вят-

ку, Кунгур, Екатеринбург, как возможно выкинув видимые обходимые кривизны, то до Тобольска две тысячи верст не будет. Другая дорога в Дауры для пользы купечества и ездящих в иные места: от Москвы чрез Казань, Уфимский уезд, чрез Царев курган, Тару, Томск и, не захватывая Енисейска, в Дауры...».

И «чтоб по дороге верст по двадцати разстоянием стоялые дворы добрые были построены, а жители к таким дорогам, ежели токмо позволено будет, населятся самоохотно в скорости, понеже оные пустые места для изрядных положений многие сибирские места превосходят».

«Токмо для того дела,—заканчивал Татищев свой проект,—надобно определить человека особенного с добрыми помощники, дабы без обиды обывателей и надмеренных расходов по надлежащему сделали...»

Татищев не предлагает прямо свою кандидатуру, но, наверное, надеялся, что осуществлять этот проект назначат его. И тогда в Сибири он будет самостоятелен и сможет заниматься и географией и историей.

Возможно, такое решение он принял потому, что в Петербурге он пришелся «не ко двору». Екатерина ему не благоволила, она помнила его отказ от присяги в Стокгольме. С Меншиковым, который забрал власть в свои руки, у него тоже были недружелюбные отношения. Его покровитель Яков Брюс, не желая участвовать в придворных интригах, подал в отставку и отошел от дел. А многие враги заняли высокие посты...

На свой проект Татищев не получил ответа...

На монетном дворе

Как именно Татищеву удалось избежать ссылки на Нерчинские рудники, неизвестно. Но указом Екатерины от 14 февраля 1727 года его послали на Московский монетный двор.

Это была не только милость, но и необходимость. Русская монетная система переживала кризис. Страна была полна обесцененных денег. Монеты одного и того же достоинства имели разный вес и пробу. На монетных дворах кража золота, серебра и инструмента для делания денег приобрела громадные размеры. Ходила по рукам фальшивая монета. Не помогало даже варварское наказание: фальшивомонетчикам заливали горло расплавленным металлом, и они умирали в страшных мучениях.

Для наведения порядка на монетных дворах как нельзя лучше подходил Татищев, основательно изучивший денежное дело в Швеции и совсем недавно подавший свой проект о «переделе» медных и серебряных монет.

По указу императрицы монетные дворы были изъяты из ведения Берг-коллегии и подчинены Кабинету ее величества, а все монетное дело переводилось из Петербурга на старые московские монетные дворы. Туда и послали Татищева вместе с сенатором Волковым.

Московские монетные дворы они застали «истинно как после неприятельского или пожарного разорения, все инструменты разбросаны без всякого призрения, многие под снегом на дворах находятся, деревянное гнило, а железное перепорчено...».

Татищев принимается за новую работу со свойственной ему энергией и ведет дело по всем правилам тогдашней финансовой науки. Он даже намерен вывести русскую монету на одно из первых мест на мировом рынке. Разрабатывает свой проект русской денежной системы: предлагает изъять из обращения все старые медные деньги и переделать их по новому образцу, собрать все серебряные копейки и чеканить из серебра монеты более крупного достоинства, ввести десятичную систему мер веса и многое другое...

Но Верховному тайному совету и императрице не до коренных реформ — дай бог кое-как заштопать прорехи. И многие проекты Татищева оседают в архивах...

Несмотря ни на что, Василий Татищев успел сделать многое. Под его руководством монетные дворы переоборудовали технически. Василий Никитич приглашает из Петербурга Андрея Нартова, который сделал новые чеканы и штампы и новые машины для штампования монет.

В начале мая 1727 года умирает Екатерина I. Русский престол достался двенадцатилетнему великому князю Петру Алексеевичу. В сентябре пал всемогущий Меншиков.

В сентябре же появился именной указ: Монетной конторой по-прежнему ведать московскому губернатору Алексею Плещееву, статскому советнику Платону Мусину-Пушкину да Берг-коллегии советнику Василию Татищеву.

И хотя при Петре II Василий Никитич стал статским советником, положение его при дворе становится незавидным — приверженцы Петра I теперь не в чести. При дворе он теперь не бывает. Добросовестно исполняет обязанности члена Монетной конторы, а остальное время посвящает науке...

Рушится семейная жизнь Татищева. 1 мая 1728 года он подает в Синод прошение о разводе: слухи о неверности жены подтвердились. Формального развода он не получил, но отныне навсегда порвал с женой. От семейных дразг и придворных интриг он уходил к друзьям. Он снова близко сходитя с Феофаном Прокоповичем, в доме которого встречается с самыми талантливыми и просвещенными людьми России. Здесь он слушает первые сатиры юного Кантемира.

Татищев часто бывает в Глинках у Якова Брюса и в Архангельском у князя Д. М. Голицына пользуется книгами из их библиотек, много читает исторических, географических, философских сочинений...

В январе 1730 года умер от оспы Петр II. Восемь членов Верховного тайного совета (четверо князей Долгоруких, двое князей Голицыных, графы Головкин и Остерман) решили пригласить на русский престол дочь царя Ивана (брата Петра I) — курляндскую герцогиню Анну.

По Москве ползли слухи о «пунктах», которыми «верховники» хотели ограничить власть будущей императрицы. Это значило, что власть могла сосредоточиться в руках восьмерки, произвол которой мог быть опасен для других дворян. Этому опасались многие, в том числе и Василий Татищев. И он бросается в самую гущу политической борьбы.

Василий Никитич разрабатывает свой проект «формы правления» Россией. Он считает, что самодержавие нужно ограничить, но не восьмеркой членов тайного совета.

Татищев предлагает «при ее величестве» создать высшее правление из 21 персоны. И кроме этого учредить «другое правительство... во сте персонах», которым «по третям года третьей части в правлении оставаться, а две трети в домах своих управлять», но «для рассмотрения важных дел» должно трижды в год «съезжаться» в полном составе.

А «упалое место в Вышнем собрании, Сенате, коллегии президента и вице-президента, в губернии губернатора или вице-губернатора, в войске главного командира... избирать балотированием».

Политическим замыслом Татищева не суждено сбыться. Вопрос о власти решили гвардейские полки, с оружием в руках потребовавшие неограниченного самодержавия.

Так курляндская герцогиня стала русской императрицей. Татищев приходится новой императрице дальним родственником, его снова замечают при дворе. И Василию Никитичу кажется, что наступило время, когда он сможет по-настоящему развернуться и осуществить свои обширные планы. Он предлагает новой императрице программу просвещения страны путем создания семинарий, гимназий, университетов, академии ремесел и т. д. Он подает в Сенат свое «Мнение» о новой системе выделки денег — целый историко-экономический трактат с примерами из истории монетного дела России и Европы...

Он продолжает работать и над «Историей Российской». Не забывает и географию. Он узнает, что в 1730 году в Стокгольме издана книга Стра-

ленберга о Сибири, и обращается с неоднократными просьбами к библиотекарю Академии наук Шумахеру прислать ему эту книгу. В ноябре 1730 года он получает ее.

История создания книги Страленберга такова. Как уже упоминалось, вскоре после Полтавской битвы шведский капитан Филипп Иоганн Табберт попал в плен. В 1711 году его вместе с другими военнопленными привезли в Тобольск.

Сибирь особенно нуждалась в образованных людях и специалистах, поэтому пленные шведы, особенно офицеры, пользовались в сибирской столице относительной свободой. Им разрешили заниматься ремеслами, использовали как архитекторов и строителей (в Тобольске до сих пор сохранилась рентерей, так называемая шведская палата, в строительстве которой принимали участие шведские пленные) и т. д. Некоторые могли даже заниматься наукой.

Табберт с увлечением стал изучать таинственную Сибирь: собирал материалы по географии, истории, этнографии, языкознанию. Это увлечение получило поддержку тогдашнего сибирского губернатора князя Матвея Петровича Гагарина. По свидетельству берг-мейстера Блиэра, Гагарин раздал пленным шведам около 15 тысяч рублей. Пользуясь таким сильным покровительством, Табберт встречается в Тобольске с купцами, рудознатцами и другими бывалыми людьми, расспрашивает их о Сибирских землях, записывает разные сведения. Он встречается с Семеном Ремезовым — великолепным знатоком Сибири. Здесь же, в сибирской столице, он познакомился с русским резидентом в Пекине шведом Лоренцом Ланге, который записывал в своем дневнике сведения по географии и этнографии Сибири и Китая. В Тобольске же про-

изошла и первая встреча Татищева и Табберта. Вскоре шведский географ России совершил путешествие по Сибири вместе с Даниилом Мессершмидтом.

Пользуясь чертежами и картами Ремезова, а также собственными материалами, Табберт составляет свою карту Сибири. Но эту карту украли в 1715 году во время пожара в доме, где он жил. К 1717 году готова вторая сибирская карта, которую Табберт собирался отослать в Москву. Когда об этом узнал князь Гагарин, то отобрал карту и, угрожая немилостью и ссылкой на побережье Ледовитого океана, запретил заниматься картографией. Такая странная реакция сибирского губернатора, который ранее поощрял любое изучение Сибири и составление карт, удивила Табберта.

Действительно, когда речь идет о географическом исследовании Сибири во втором десятилетии XVIII века, то почти всегда называют имя первого сибирского губернатора. Гагарин — инициатор или активный помощник целого ряда сибирских экспедиций и различного рода географических исследований Сибири.

Позднее Табберт объяснял гнев «сибирского Меншикова» тем, что Гагарину, «взявшему на откуп губернию и хозяйничавшему там в интересах своей личной выгоды, было нежелательно, чтобы в руки царя попала карта, на которой были нанесены детали, и в частности были указаны месторождения минералов и т. д.»

Табберт оказался недалек от истины. Князь Гагарин вынашивал опасные честолюбивые планы. Он собирался отделить Сибирь от России, превратить огромный край в самостоятельное государство и потому не хотел, чтобы Петр I получал какую-либо информацию о Сибири. «Но когда после ареста

князя Гагарина,— писал Табберт,— я получил свободу действия, то я снова составил еще более точную и совершенную карту, нежели две предыдущие».

После Ништадтского мира Табберт вернулся в Швецию, получил дворянство и фамилию Страленберг. Табберт-Страленберг привез в Стокгольм довольно обширные материалы о Сибири, начал работать над книгой и в 1730 году издал ее. Книга имела длинное (в духе того времени) название: «Северная и Восточная части Европы и Азии, поскольку таковые охватывают все Русское государство с Сибирью и Великую Татарию представленные в историко-географическом описании древнего и нового времени и со многими другими неизвестными сведениями и с никогда еще не издававшейся «*Tabula polyglotta*» 32 различных языков татарских народов, с калмыцким словарем, и особенно с большой и точной ландкартой вышеуказанных стран и разными другими гравюрами на меди, касающихся азиатско-скифских древностей. Собрано и составлено Филиппом Иоганном фон Страленбергом во время пребывания в России в качестве военнопленного на основании личных тщательных расспросов и дозволенных ему далеких путешествий. Стокгольм. В издании автора. 1730».

Книга делится на две части: обширное «Введение» и «Историко-географическое описание Северной и Восточной частей Европы и Азии».

Одним из первых в России познакомившись с книгой Страленберга, Татищев уже в начале 1732 года посылает в Академию наук 36 своих примечаний, а вскоре дополнения «К примечаниям на Страленберга». Позднее, в 1736 году, уже на Урале, Василий Никитич пишет еще 125 новых примечаний. В результате появляется историко-географи-

ческий трактат, который не просто содержит примечания к работе другого автора, а имеет и самостоятельное значение. Трактат этот назван был так: «Примечания на книгу, учиненну господином Страленбергом, именуемую северной восточной страны Европы и Азии, печатанной в 1730-м году в Стокгольме».

Сначала он делает комплимент автору книги. «Сей господин издатель по его любопытству и трудам весьма похвалы достоин, и подлинно можно сказать, что он другим подал немалую причину о происхождении и преселениях народов, обретающихся в сих странах далее истинны (вероятно, истину.— *И. Ш.*) искать и древние бытности изъяснить, которым он во многих обстоятельствах света окно отворил».

В устах Василия Татищева это высокая похвала: «...во многих обстоятельствах света окно отворил». Татищев умеет ценить и оценить чужой труд и с уважением относится к нему. И таким отношением он сам заслуживает уважения и современников, и потомков. Но Василий Никитич не собирается закрывать глаза и на недостатки, при этом учитывая условия, при которых Страленберг собирал материалы для своего сочинения.

«И хотя некоторые погрешности в его мнении находятся, однако ж видимо, что то наиболее от недостатка подлинных ему известий и знания русского и татарского языков учинилось, которые необходимо к тому нужны». Такое соотечественнику Татищев не спустил бы. Но Страленберг — чужеземец. К тому же он работал в России «как пленник». И поэтому Татищев откровенно рассказывает об условиях, в которых автор книги работал в Тобольске. «И тако поистине ему тех погрешностей в поношение никак почитать не могу, но что я приме-

тил неисправно или сумнительно, оное хочу равным образом без всякого пристрастия представить и россуждению искуснейших предать, да либо кто обоя лучше разсмотря, и мою погрешность исправит».

Татищев вносит 147 поправок в искаженные Страленбергом географические и исторические названия и слова и делает 125 замечаний фактического или смыслового характера. Он старается не пропустить даже малейшей погрешности: «...здесь представляю не токмо слова русские, неправильно написанные, а наиболее мню, что он (Страленберг.— *И. Ш.*) звания земель и городов русских употреблял не так, как мы имянуем, но как другие чужестранные творцы в книгах и ландкартах своих имяновали.

Первое слово, в котором он погрешно имяновал, *Siberia* вместо *Sibiria*, ибо слово татарское *bir* значит первое, Сибирь же первейшее или главнейшее».

Иногда Татищев не просто исправлял географическое название (например: «Следует называть не *Olenez*, но *Oloner*»), а давал пространные объяснения вроде: «Представляет, якобы город, лежащей за Камою недалеко от Волги на луговой стороне, не Болгары, но Булган имяновал, и толкует с татарского языка, что оное значит обоз или становище ханское. И хотя в русских древних гисториях он всегда Болгары и Волгары имянован, а Булхана (так у Татищева.— *И. Ш.*) не упоминается, однако ж я тем спорить не хочу, ведая, что и русские писцы в том могли погрешить и иначе, нежели как они сами себя или тот город от жителей имянован, имяновать могли, каковых прикладов довольно находится, например, Колмогард, лежащий при Белом море рекою Двиною, тако от древних жителей был имянован и значит на их языке Третий

город, русские имяновали Холмогоры, произведя из словянского, но оное неправо, потому что оной прежде был уже, нежели словяне в те места пришли...» И далее Татищев приводит еще несколько подобных примеров.

Делает Василий Никитич и такие замечания: «По сказаниям утверждает он (Страленберг.— *И. Ш.*), что якобы Новая земля не остров, но совокупная земля Сибири быть имела, утверждаясь сказанием неразумного баснословца о ушедшем из Туруханска жителе, которое весьма невероятно, ибо такими великими пустынями и студеными местами одному пройти, тако ж корму, котораго по разстоянию места не насколькo седмиц с собою имеет, видится, весьма невозможное».

Примечания Татищева относятся как к частностям, так и к принципиальным положениям исторической географии России и к некоторым историческим событиям.

В своих примечаниях Татищев щедр, он, не скупясь, делится своими географическими и историческими идеями и добытыми им фактами.

Татищевские примечания к книге Страленберга завершаются так: «И си оное окончив, предаю в розсмотрение и лучшее исправление Академии императорской. В протчем же что татарского, остяцкого и других языков и их гисторей погрешностей принадлежит, оное оставляю до другаго времени, а наипаче, когда довольное число слов оных языков соберется и их гистории переведутся, в которм неослабно прилежу и по улучении Академии сообщу.

Некоторые же сумнительства за неимением обстоятельных известей оставил, а в те места к управителям писал, дабы, колико удобно изъясня, суда прислали, которое сему приобсчу. Другое же,

что до Сибири принадлежащее, он оставил, ежели известия от воевод не укоснеют и воля божеская, а собственная слабость и недостаток не повредит, надеюся в Географии сибирской, елико возможно, описать и в рассмотрение Академии представить». В этом труде Татищев предлагает провести границу между Европой и Азией по Уральским горам. Об этом он пишет в примечании № 28:

«О границе между Европою и Азией в сей северной стране, видится, подлинно древние географы от неведения погрешали, что оную клали по местам незнатным. И мнится мне, что сии Уральские горы суть суще природное дву великих частей разделение. Но токмо остается сумнение такое, что сии горы, хотя от самага Ледовитого моря начався, идут чрез 1500 до 2000 верст от севера к югу прямою чертою, и широта оных нигде меньше 60 верст, но токмо до вершин рек Белой и Яика, а оттуда поворотили прямо на восток... И от онаго колена, то есть с вершин Яика и Белой рек, какое знатное до реки Волги и Дона Самарою ль рекою или другим знатным и природным розделением розграничить, обстоятельно рассмотреть и однова общественное определение учинить надлежит».

Позднее Татищев разовьет и уточнит свою аргументацию об Уральских горах как природной границе между Европой и Азией.

Хотя Василий Никитич находил, что книга Страленберга «во многом погрешна», он все-таки считал ее полезной для историков и географов России. Сам он пользовался книгой довольно часто, в разных его работах имеются десятки ссылок на шведского ученого. Он приводит ссылки на Страленберга по разным поводам: и в подтверждение своего собственного мнения, и когда сомневается в правильности изложения автора, и когда исправ-

ляет явные погрешности. Последнее встречается чаще всего.

Татищев считал книгу Страленберга полезной и для профессоров Академии наук и предлагал перевести книгу на русский язык. Когда Академия не откликнулась на его призыв, он занялся сам организацией перевода. Перевод этот сохранился в библиотеке Академии наук, в рукописном отделе и называется так: «Историческое и географическое описание и древнем и новом состоянии полуночной восточной части Европы и Азии паче же Империи Российской, которая из оных за полуночную часть признается. Сочинено Иоанном Страленбергом и напечатано в Штокхолме 1730 году, на российской же язык сокращенно переведено по повелению превосходительнейшего господина тайного советника Василия Никитича Татищева в Самаре 1738 году».

В 1738 году переведено только четыре главы книги. А позднее Татищев позаботился о новом переводе 12 глав и снабдил их своими новыми примечаниями на полях рукописи. Книга Страленберга в России так и не была напечатана.

В начале 1730-х годов Татищев продолжает работать и над «Историей Российской». Он поддерживает связи с Академией наук, является одним из активных членов «Ученой дружины», этого острова просвещения среди океана российского невежества. Вместе с Феофаном Прокоповичем и Антиохом Кантемиром он пропагандирует образование и просвещение.

В 1733 году Василий Татищев работает над своим философским трудом «Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ», который, по замечанию Г. В. Плеханова, «дает гораздо больше, нежели обещает его название. Это чуть ли не целая

энциклопедия. В ней излагается все мировоззрение этого замечательного человека».

В «Разговоре...» Татищев доказывает пользу наук. Сегодня нам кажется наивной эта татищевская защита науки от невежд. Но тогда это было необходимо.

Василий Никитич составляет свою классификацию наук. К «полезным» наукам он относит и географию. «Землеписание, или география, показывает не токмо положение мест, дабы в случае войны и других приключениях знать все онаго во укреплениях и походах способности и невозможности, притом нравы людей, природное состояние воздуха и земли, довольство плодов и богатств, избыточество и недостатки во всяких вещах. Наипаче же собственного и недостатки во всяких вещах. Наипаче же собственного отечества, потом пограничных, с которыми часто некоторые дела, яко надежду помощи и опасность от их нападения имеем, весьма обстоятельно знать, дабы в государственном правлении и советах будучи о всем со благоразумием, а не яко слепой о красках рассуждать мог».

Здесь Татищев дает еще довольно общее определение географии. Позднее оно будет меняться и уточняться.

Между тем положение Татищева становится все более неопределенным. Своими проектами, постоянными разговорами о нуждах страны он вызывает раздражение у Бирона и его окружения. Вокруг него вырастает стена отчуждения и враждебности. Портятся и его отношения с непосредственным начальником по Монетной конторе графом Головкиным. Головкин предлагает Татищеву заменить компанейщиков, подобранных для вымена старых денег у населения и для поставки золота

и серебра для монетных дворов. Василий Никитич считает это нецелесообразным. Но в новых компанейщиках заинтересован Бирон, и фаворита злит упрямство Татищева.

И вот граф Головкин подает Бирону доклад о злоупотреблениях Татищева. Его обвиняют в том, что он подобрал плохих компанейщиков, что он берет взятки и т. д. Это обвинение о взятках очень запутанно и неясно. Только анализ второго следственного дела Татищева может подтвердить или опровергнуть его виновность...

Сам же Татищев не считает себя виновным. Позднее, в 1742 году, в письме к И. А. Черкасову он вспоминал: «...я в учреждении монетном хотя явные великие пользы приобрел, но по злости на меня бывшего графа Головкина и лакомством Бирона от того отрешен, компания передела мелких денег невинно разорена и немалая сумма с монетных дворов под именем новой прибыли потеряна, причем Головкин с Дудоровым довольно получили, в чем явно обличить могут дела их».

Формально Бирон не имеет никакого отношения к Монетной конторе, но именно к нему поступают материалы по делу Татищева...

Татищев в опале. Он отстранен от всех дел. Императрица не перечит своему фавориту, но она и не собирается увеличивать число своих врагов — их и так слишком много. И она делает «великодушный» жест — она прощает «вины» Татищева и назначает его вместо Геннина на уральские заводы.

Татищев тяжело переживает новое гонение. Он тяжело болен и физически, и духовно. Он пишет завещание — духовную — сыну. «Нахожусь в крайней слабости и без надежды долго жизнь мою соблюсти...».

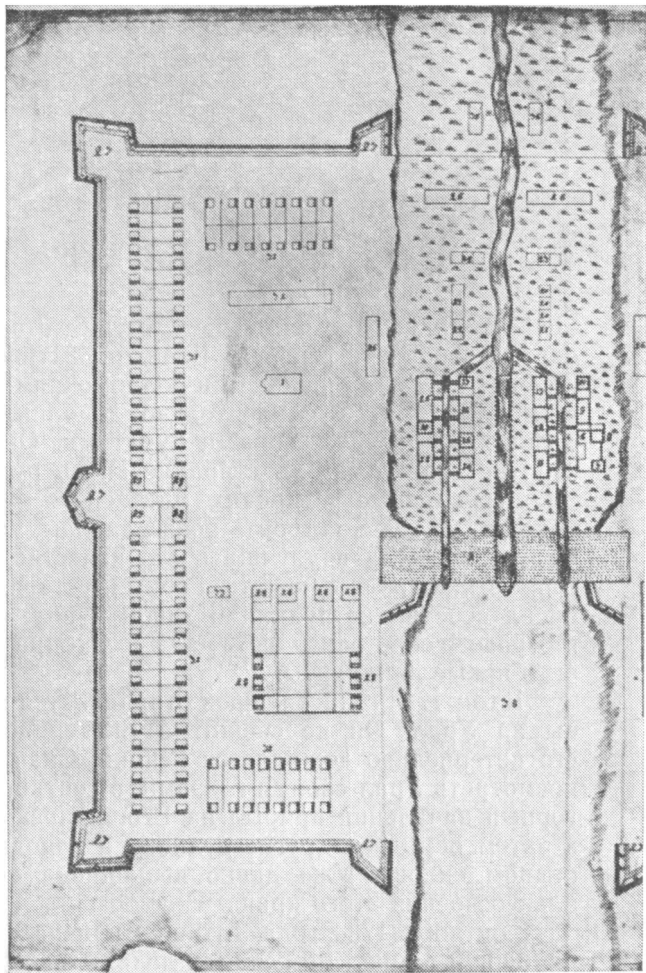
Снова на Урале

Пройдет какое-то время, и отступит отчаяние, и опять возродится энергия Василия Татищева. Он приедет на Урал с большими полномочиями и большими планами. Он значительно дополнит официальную инструкцию новыми пунктами. Он обяжет себя не только «иметь старание вновь руды золотые, серебряные и прочих металей и минералей искать», не только строить новые заводы, увеличить выпуск металла и улучшить его качество, завести горные школы и написать Горный устав... Он записал себе в инструкции и такой пункт: сочинить географическое описание Урала и Сибири и составить новые ландкарты...

Летом 1734 года Татищев отправляется из Москвы на Урал. Он не спешит в Екатеринбург, где его нетерпеливо дожидается Геннин. Сначала надо посмотреть Урал своими глазами. 5 сентября новый горный начальник прибыл на Егoшихинский завод, а затем осмотрел другие рудники и заводы на западном склоне. Уже давно вынашивал он новый план освоения этого края...

1 октября 1734 года Татищев приехал в Екатеринбург и принял от Геннина дела. А вскоре начал объезд восточного склона Урала.

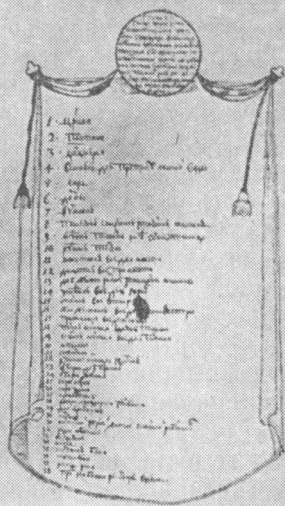
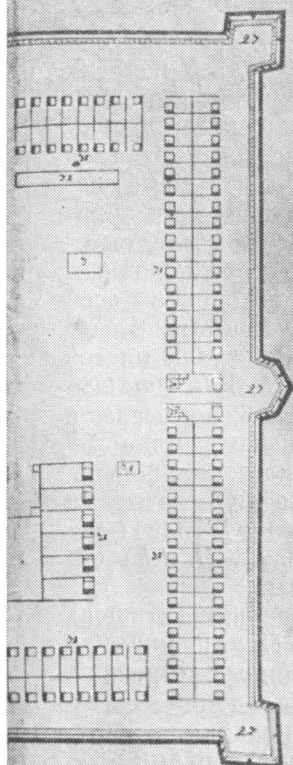
Большие планы у горного начальника — около

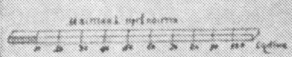
План Екатеринбургской крепости и завода

174

174

1. Alphonse
2. Thomas
3. Philippe
4. Charles pp. Tiphaine et saur. Cyprien
5. Cyprien
6. Jean
7. Pierre
8. Thibault le plus grand seigneur
9. Louis Thibault p. T. Thibault
10. Pierre Thibault
11. Jean Thibault le plus seigneur
12. Jean Thibault le plus seigneur
13. Jean Thibault le plus seigneur
14. Jean Thibault le plus seigneur
15. Jean Thibault le plus seigneur
16. Jean Thibault le plus seigneur
17. Jean Thibault le plus seigneur
18. Jean Thibault le plus seigneur
19. Jean Thibault le plus seigneur
20. Jean Thibault le plus seigneur
21. Jean Thibault le plus seigneur
22. Jean Thibault le plus seigneur
23. Jean Thibault le plus seigneur
24. Jean Thibault le plus seigneur
25. Jean Thibault le plus seigneur

projet de fortification
de la ville de ...

сорока новых заводов решил построить он на Каменном Поясе. И Урал, словно идя навстречу его желаниям, раскрыл перед ним одно из самых великих своих сокровищ...

Весной 1735 года крещеный вогул Степан Чумпин принес к шихт-мейстеру Сергею Ярцеву куски магнитной руды и сказал, что руды этой на реке Кушве целая гора. Когда сделали пробную плавку кушвинской руды, то «железо явилось самое доброе, мягкое и жильное». В начале сентября 1735 года на «железной горе» побывал и горный начальник. Позднее в своем «Лексиконе...» он запишет: «Благодать, гора в Верхотурском уезде, высокая, близь реки Кушвы, от Туры 8 верст, исполненная преизрядной железной руды, которой во всей Сибири лучше нет, особливо то удивительно, что на самой оной горы верху великой столп чистой железной руды вышиною аршин в 5. Вся гора вышиною перпендикулярно от болота 627 сажень, в окружности, где руда лежит, по низу близ 4-х верст, однако ж руда лежит в одной западной половине. Она старанием бывшего над заводами главного начальника Татищева в 1734 году (очевидно, описка, нужно — в 1735 году.— *И. Ш.*) обретаена, и великие заводы построены...»

Предметом особых забот Василия Татищева был горный город Екатеринбург. При Геннине он разросся, появилось много деревянных строений. Татищев начал строить каменные здания. Началось сооружение новой горной канцелярии «с верхними и нижними палатами», школы, церкви, аптеки, нового гостиного двора.

Екатеринбургский завод состоял из нескольких десятков разнообразных фабрик, на которых были сосредоточены все операции по переработке железа и меди: от выплавки руды до изготовления ин-

струментов и машин. Недаром академик И. Г. Гмелин, посетивший Екатеринбург в 1742 году, писал: «Кто хочет познакомиться с горным и заводским делом, тому стоит только посетить Екатеринбург».

Геннин и Татищев строили Екатеринбург не только как промышленный, но и как административный центр, который связал в единый узел разбросанные по всему Каменному Поясу рудники и заводы. Татищев впервые составил горные законы, которые и определяли жизнь особого горного царства. Хотя Горный устав Татищева так и не был утвержден императрицей, но им практически руководствовались в течение всего XVIII века.

Татищев сделал горную власть главной на заводском Урале. Губернатор и воеводы не имели права распоряжаться на этой территории. Здесь действовали свои, горные законы, был свой, горный суд и свое войско.

Татищева можно назвать основателем оригинального горного царства на Урале, которое окончательно сформировалось уже в первой половине девятнадцатого века.

С удивительным упорством насаждал Василий Никитич школы на Урале. Из столицы он выписал учителей, книги, приборы. В Екатеринбурге он создал (впервые в России) горную школу, где кроме общеобразовательных предметов учили искусству рудознатцев, горному делу, механике, строительству плотин, камнерезному и гранильному делу...

Татищев привез в Екатеринбург свою личную библиотеку, в которой насчитывалось более тысячи томов и которую при отъезде он оставил в подарок городу.

«Одна уже просветительская миссия,— писал Д. Н. Мамин-Сибиряк,— доставила бы Татищеву вечную память на Урале».

Татищев занимался не только просветительской, но и научной деятельностью. Он устроил в Екатеринбурге что-то вроде филиала Академии наук. За два с половиной года он провел на Урале и в Сибири грандиозную работу по сбору материалов для географии и истории. Он привез с собой на Каменный Пояс не только солидную библиотеку и свои архивы, но и образованных людей: советника Андрея Хрущева, который стал его ближайшим помощником, учителей, а также Кириака Кондратовича — человека странного, но для Василия Никитича очень полезного. Кондратович перевел для него многие книги древних и новых географов и историков, ибо великолепно владел латинским, польским, немецким и другими языками. Переводы Кондратовича Татищев регулярно посылал в Академию наук.

Для собирания информации по географии и истории Татищев использовал и такой способ: он составил 92 вопроса и этот вопросник разослал по провинциям и губерниям, а также в Академию наук. Ответы на эти вопросы он использовал в своих географических и исторических трудах.

Известно, что такой способ анкет-вопросников применялся еще в 1724 году. И составлялись такие вопросники по распоряжению Петра I. Теперь в Екатеринбурге Татищев повторил (на новой основе) этот способ.

Горный начальник собрал наиболее полную информацию о Сибири: ответы с мест, труд Страленберга, «Стат Сибирский» неизвестного автора (в Нюрнберге вышло два издания — в 1720 и 1825 годах), записки о Сибири Лоренца Ланга, записки Адама Бранда и Избранта Идеса и другие материалы.

Используя эти источники, Татищев начал рабо-

тать над «Общим географическим описанием всея Сибири». По плану это описание должно состоять из 45 глав. 30 декабря 1736 года горный начальник писал в Академию наук: «...когда я доведу до конца свое географическое описание Сибири, то вместе с ним перешлю в Академию карты всех сибирских губерний. Чтобы стал ясен порядок, в каком я решил располагать описание, я посылаю с настоящим моим письмом только его начало (прочее писец не мог приготовить из-за краткости срока). Постарайтесь, чтобы более опытные профессора рассмотрели его и указали мне сделанные ошибки и помогли бы мне присылкой известий, которых у меня недостает, и теми из них, которые имеются в Академии. Эти последние для того, чтобы по тщательном рассмотрении и приведении в порядок я мог представить Описание на вторичный просмотр. Из известий мне больше всего нужно то, что, может быть написал капитан Беринг и профессора Академии, особенно то, что относится к широте и долготе мест, а также к различным народам Сибири...».

Татищев чувствовал, что многих материалов ему еще недостает. Ответы на вопросы из губерний и провинций не совсем удовлетворяли его: «...по тем пунктам многие ответствовали не в той силе...» Он пытался связаться с профессорами Второй Камчатской экспедиции Г. Ф. Миллером и И. Г. Гмелиным и просил поделиться информацией, но те отказались, ссылаясь на нехватку времени.

Полнее были сведения об Уральских горах, которые он сам исследовал и результаты своих исследований заносил в «Описание...».

Например, об осадках: «Снега же в 1736 г., хотя везде чрезвычайно было, однакож не мню, чтоб в Европе так велики, как здесь, ибо я 20-го марта

А. Н. Демидов

мерял на таком месте, где не чаю, чтоб со стороны наносило, ибо место было ровное и в лесу частом, где ветра мало проходит, глубиною снега был 2 арш. 6 вершков...»

Или о Кунгурской пещере, которую Страленберг «описует... весьма неправильно, ибо видимо, что сам в ней не был, но слыша написал. Я же сам в ней был и ныне нарочито посылал чертеж учинить...».

В «Описании...» Татищев более обстоятельно,

чем в примечаниях к Страленбергу, аргументирует свое предложение проводить границу между Европой и Азией по Уральским горам. Кстати, впервые об этом говорится в книге Страленберга, но сама идея принадлежит Татищеву. В «Описании...» он вспоминает: «...я в 1720-м году в бытность онаго Страленберга в Тобольске при сочинении им ландкарты и в 1725-м в Стокгольме ему советовал сии горы за границу воспрять...» Татищев приводит солидную историческую справку: кто и как проводил границу между двумя странами света.

«Что принадлежит до границы между Европою и Азиею, то оную от юга еше Геродот проливом Костянтинополским чрез Черное и Азовское море и рекою Доном назначил, а далее к северу за неизвестием не назначены оставили. Потом новейшее от колена реки Дона к северу чрез Волгу рекою Камою, от Камы же некоторые Вишерою и Вогулкою до реки Печеры и оную до Ледовитого моря.

Исбранд же от Камы рекою Усолкою вверх границу между Азии и Европы назначил. Но оное видя искуснешие географы, что сии границы для малости тех знаков недостаточны, а о горах Рифейских и их свойстве не ведая, Тауберт и Делиль в Париже, не имея о горах Рифейских подлинного известия, реку Обь для того токмо якобы оная есть границею империи Русской за границу между Европою и Азиею назначили. Но от оной к югу и до реки Дона паки никаких природных знаков не имея, наобум чрез калмыцкой и татарские народы назначили, которое Страленберг в книге Описания восточно-северной Татарии или Сибири в разделе VI довольно показал, что все оные не годятся, но за наилучшее природное разделение сих дву частей мира сии горы, по древним Рифейские, Татарский Урал, по русски Пояс имянуемые, полагает...».

И далее Татищев излагает, почему именно Уральские горы являются наиболее естественной природной границей: «1) Ис сих гор как на восток в Сибирь или Азию, так на запад в Еуропу происходит великое множество рек малых и великих, ине едина чрез те горы (не) переходит...» Потом идет перечисление рек, текущих на запад и на восток. «2) Сии реки не токмо течением, но и водами разнствуют, по которому рыбы на обеих сторонах находятся разных родов...» И далее: «...яко на западной стороне в реках рыбы красного тела: лососи и харьюсы или форели, а в Печере семги. Но в сибирских реках хотя наружным видом подобные тем таймени, нелмы и муксуны находятся, но как телом белы, так и вкусом различны. Осетры и стерляди хотя как в Каме, так и в Иртыше находятся, но сибирские весьма мяжки, к солению не так способны и вкусом пред камскими плоше. В еуропецких же реках раков довольно, а в сибирских нигде нет и не знают. 3) В Перми множество тараканов, а в Сибири их не знали, однакож ныне во многих пограничных местах оной гад показался. 4) На западной стороне около 57° находятся дубы и орешник, а в Сибири ни под 50° оных и других многих деревьев нет. Противно тому же на западной кедров и горохового дерева, почитай, нет, но в Сибири великое множество».

Надо сказать, что аргументация Татищева достаточно убедительна даже для нашего времени. Он и сам чувствовал свою убедительность, а потому и заключает доказательства: «Сии и сему подобные обстоятельства подают притчину утверждать сии горы за границу между Азиею и Еуропою».

В главе «О великости» автор суммирует всю известную ему информацию: он упоминает Страленберга, капитана Беринга, Кирилова, профессора

Наподлинномъ отъ президента подписанъ
Татищевъ.
Андрей Хрещовъ.
Никифоръ Клеотинъ;
Татищевъ

Автограф В. Н. Татищева

Делиля, «посланных по Оби морских офицеров», свои личные наблюдения за «затмением месяца» 16 марта 1736 года и т. д.

А затем делает выводы: «Чрез всю Сибирь прямою линеею имеет быть 5 490 верст»... «широта Сибири от гор (Алтайских.— И. Ш.) до моря... придет около 2625 верст».

Во всех случаях (наверное, во всех), когда Татищев использует чьи-либо исследования или материалы, он ссылается. А в тех случаях, когда он сомневается в каком-нибудь факте или суждении, он упоминает об этом и передает на переоценку своим современникам или потомкам...

В начале 1737 года Татищев посылает «Общее географическое описание Сибири» в Академию наук и просит прислать на него критические замеча-

ния. Никакого ответа на свою просьбу он не получил.

Ведет в это время горный начальник и картографические работы. Уже вскоре после приезда на Урал он 5 ноября 1734 года сообщил в Академию наук: «Здесь ландкарты Пермскую, Вятскую и Угорскую нашел я весьма неправы и для того велел вновь описывать и мерять; к тому же в степи за Уралом, до сего времени наугад положенной, немалую часть описал».

Татищев приехал на Урал с большими полномочиями, надеялся, что и в его горных деяниях, и в научной работе он сможет сделать многое. Но Петербург ему не всегда помогал, а часто даже мешал. Как горный начальник, он уверенно поднимает казенные заводы и ставит под контроль частных горнопромышленников, считая, что действует в интересах государства. Но такой контроль вовсе не нравится горнопромышленникам, и прежде всего Акинфию Демидову.

Кстати, прежний конфликт между Татищевым и Демидовым кончился миром. После возвращения Татищева из Швеции Акинфий Демидов заплатил часть штрафа, установленного «вышним судом», и обе стороны пришли к соглашению, что больше не будут иметь претензий друг к другу. Более того, их отношения стали если не дружескими, то по крайней мере приятельскими. Когда Акинфия Демидова на полтора года из-за доноса задержали в Петербурге, то Татищев как горный начальник многим помог Невьянскому заводу. Он обращался с просьбой к министрам поскорее отпустить горнопромышленника на Урал, так как заводы без него приходят в упадок.

Но едва Акинфий Демидов появился на Урале, он сразу же воспротивился контролю, который

горный начальник пытался установить над его заводами.

Подкупив Бирона, Демидов добился именного указа императрицы, который требовал от Татищева: «...не ведать заводами его (А. Н. Демидова.— *И. Ш.*) нигде». Такого же указа от императрицы добились и Строгановы.

Когда Бирон узнал, что уральские рудники и заводы дают большие прибыли, то решил часть из них прибрать к своим рукам. По инициативе фаворита учредили так называемый генерал-берг-директориум во главе с бароном Шембергом, которому должен был подчиняться Татищев. Но горный начальник игнорировал саксонского авантюриста, что привело к конфликтам.

Оренбургская экспедиция

На Урале Татищев размахнулся широко. Но, как это уже не раз бывало в его жизни, судьба распорядилась по-своему и вновь изменила его планы.

10 мая 1737 года вышел указ императрицы о назначении его главным командиром Оренбургской экспедиции вместо умершего И. К. Кирилова. Экспедиция эта создана была для колонизации юго-восточных окраин страны.

Так уж получилось, что Южный Урал русские узнали позднее, чем Северный и Средний. Даже после похода Ермака русские землепроходцы — казаки и «охочие люди», перевалив за Камень, всего за несколько десятилетий прошли гигантскую Сибирь и умылись водой из Великого океана. А крайний юг Каменного Пояса, некоторые районы реки Яика оказались менее знакомы. Кое-что о них, конечно, знали, кое-кто из россиян не только проник на южный край Уральских гор, но и совершал далекие поездки на юго-восток — в Хиву, Бухару и даже Индию. Однако и эти редкие караваны купцов и послов чаще всего обтекали территорию современного Оренбуржья или с севера, или с юга...

Поэтому сведения об этих землях были скудны. Например, на карте Московии, составленной З. Герберштейном в 1549 году, река Яик нарисо-

вана в виде короткого вертикального хвостика, наклоненного к тому же не на восток, а на запад. Правда, уже в «Книге Большому чертежу» записано: «Река Яик вытекла поровень с Оралтовою горою против верховья Тобола реки...» Кое-какие сведения о Яике и землях вокруг него добавил Семен Ремезов.

Но в начале XVIII века часть географической информации «забыли». Так, на картах И. К. Кирилова 20-х годов Южный Урал изображен более схематично, чем у Ремезова.

Петр I активно стремился открыть ворота в полуденную Азию и проникнуть в бухарские земли. При Анне Иоанновне этот интерес усилился. Колонизацией Средней Азии императрица пыталась компенсировать военные неудачи на западе и на юге. Внутри среднеазиатских степей старались проникнуть как силой оружия, так и путем дипломатии и хозяйственного освоения.

Будущая Оренбургская экспедиция создана по инициативе Ивана Кирилловича Кирилова, тогдашнего обер-секретаря Сената, в ведении которого находились геодезисты. Кирилов принадлежал к когорте «птенцов Петровых», искренне увлекся его замыслами по преобразованию России. Петр Рычков отмечал, что Кирилов «особое свое достоинство засвидетельствовал... натуральною охотою к ландкартам и географическим описаниям». В 1727 году он составил труд «Цветущее состояние Всероссийского государства» — первое историко-географическое и статистическое описание страны. Он подготовил и начал издавать за свой счет карты к «Атласу Всероссийской империи». Он разработал несколько проектов об открытии и присоединении к России новых земель, богатых золотом, серебром и другими полезными ископаемыми...

Идея экспедиции появилась у Кирилова после того, как хан Средней орды Абул-Хаир несколько раз обращался к русскому правительству с просьбой взять его народ под покровительство России, так как соседние с ханом джунгары часто совершали опустошительные набеги на его земли... Кроме всего прочего Абул-Хаир просил построить на реке Ори, впадающей в Яик, город и крепость, в которых бы ему и его батырам разрешили жить...

Предложение это заинтересовало Кирилова, и он составил проект будущей Оренбургской экспедиции. Он предлагал освоить земли вокруг Яика и установить торговые связи со Средней Азией. В своем проекте он описал сказочные богатства этих стран, и особенно золото и драгоценные камни. Он писал, что в Бухаре «каменья цветного, лалов, изумрудов довольно», а золото есть по реке Ходжан. В Аральском ханстве есть золотая гора и слюдяные горы. Наиболее богатой Кирилов считал Бадахшанскую землю, где «богатые горы с камнем опис-лазури... с каменными лалами, с зеленым мрамором и как в горах, так и на двух реках золота множества набирали...». Как видно, сведения эти были довольно неопределенны.

Более подробно Кирилов характеризовал природные богатства Башкирии.

По его мнению, новый город на Ори будет удобен для торговли с Востоком...

1 мая 1734 года на проекте императрица начертала: «Быть по сему: 1. Городу при устье реки Ори строить и дать ему имя впредь». В июне появился указ, по которому будущий город называли Оренбургом.

Оренбургская экспедиция получилась солидной: в ее состав включили около двухсот человек. Кроме военных в экспедицию вошли геодезисты, инже-

неры, горные мастера, мастера для строительства судов и даже историограф, живописец и ботаник, не считая аптекаря, хирурга и т. д.

Появились в экспедиции и иностранцы. Среди них интерес представляют англичане Джон Эльтон и Джон Кестль.

Фамилия первого вошла в историю географии и попала на географическую карту: в Прикаспийской низменности есть озеро Эльтон. Джон Эльтон был довольно загадочной личностью и, кажется, авантюристом международного масштаба. Еще в конце 1732 года Эльтон обратился к русскому послу в Лондоне Антиоху Кантемиру с предложением «об изыскании корабельного ходу от Архангельского города, около Новой Земли в Японию, Китай, Индию и в Америку и в прочая», а также об организации ловли китов.

Несмотря на авантюризм, Эльтон оказался довольно талантливым и образованным человеком. Он знал математику, «астрономическую часть», умел вести геодезическую съемку новейшими для того времени способами, а также обладал и многими другими познаниями. В Оренбургской экспедиции он брался «для усмотрения подлинной длины и широты новых мест, а паче по описанию Аральского моря и рек знатных» провести нужные работы.

В экспедицию вошел и англичанин Джон Кестль. Он обязался «не токмо все то, что до живописной работы касается, исполнять, но и всякие проспекты снимать и рисовать, и изобретаемые натуральные всякие вещи: металлы и минералы».

В состав экспедиции чуть было не попал «ученым священником» Михайло Ломоносов, но его кандидатуру отвели, когда узнали, что он не является сыном священника.

Кирилов развернул большую работу по изучению Башкирии и Оренбургского края — природы, полезных ископаемых и т. д. Под его руководством работали опытные геодезисты П. Чичагов, С. Орликов, И. Шишков, А. Клешнин, М. Пестриков, А. Норов, И. Шехонский и др. Экспедиция стала собирать сведения для географических, картографических и исторических трудов.

Из Уфы Кирилов затребовал от Татищева горного офицера, штейгеров и других горных специалистов. После подготовки весной 1735 года экспедиция выступила в поход. В августе Кирилов доносил в Петербург, что «до Орь-реки благополучно дошли и августа 6 числа в лагерь против Орскова устья стали, расстоянием от Уфы 500 верст, по обсервации северной широты 51 градус 21 минут...».

15 августа 1735 года заложили в устье реки Оренбургскую крепость, и Кирилов поздравил императрицу с приобретением «новой России», богатой разными металлами и минералами...

Вскоре получили известие, что Башкирия охвачена восстанием. Научные и другие работы прекратились, и Оренбургская экспедиция взяла на себя функцию карателей.

В апреле 1737 года Кирилов умер, и командиром Оренбургской экспедиции назначили Татищева. Правда, теперь она называлась уже не экспедицией, а комиссией...

Среди прочих дел Василий Никитич начал разбирать архив Кирилова. В этом архиве он обнаружил составленные своим предшественником карты России и географические описания, а также исторические работы. Позднее Татищев сообщал в Академию наук, что среди кириловских бумаг он нашел две книги «Описания русских городов», которые «к географии русской могут довольно быть

полезны». Очевидно, это была рукопись, которая опубликована М. П. Погодиным в 1831 году под названием «Цветущее состояние Всероссийского государства».

Стоит сказать несколько слов о взаимоотношениях Татищева и Кирилова. Оба занимались (и занимались очень усердно) русской географией и историей. Могли быть если не друзьями, то доброжелательными коллегами. Но стали враждующими соперниками, которые постоянно ссорились и терпеть не могли друг друга. Документы показывают, что любое новое предложение или начинание одного вызывало критику другого, причем критику не всегда справедливую...

Первое время после принятия Оренбургской комиссии Татищеву было не до научных занятий. Петербург требовал от него, чтобы «здешний домашний внутренний огонь был потушен как можно скорее, и потушен таким образом, чтобы впредь не опасаться новых смут».

И Василий Татищев тушил «внутренний огонь» в Башкирии. Но, карая восставших, он не менее сурово расправлялся со своими подчиненными, впадавшими в беззаконие. Он добился смертной казни для капитана Житкова, который «...без всякой причины верных знатнейших татар, взяв, пытал и ограбил, и детей их и прочих тех деревень мужеск и женск пол побил и перевешал».

Командир под страхом строгого наказания запретил брать взятки и грабить башкир. Татищев крепко поссорился с полковником Бардукевичем, который в корыстных целях продавал лошадей, отобранных у башкир. Он начал строгое расследование самых разных злоупотреблений уфимского воеводы Шемякина, отстранил его от должности и отдал под суд.

Расправляясь как с восставшими башкирами, так и с представителями русской администрации, нарушавшими законность, Татищев обдумывает разные проекты административного и хозяйственного преобразования Башкирии и Оренбургского края. Для этого он собирает материалы об этих землях, в том числе и географического характера...

5 августа 1737 года Кабинет поручает Татищеву кроме карт отдельных провинций составить также и генеральную карту России. Но указ указом, а серьезного научного руководства от Академии наук он не получает. И тогда сам проявляет инициативу. В письме от 16 октября 1737 года в Академию он сообщает, что в прежних ландкартах много ошибок и неточностей не потому, что геодезисты не прилежны, а «паче что порядочной и обстоятельной на их недовольное искусство инструкции не имели». Он просит академиков такую «генеральную и достаточную инструкцию сочинить». И при этом прилагает свои пункты инструкции и просит их обсудить.

При этом письме Василий Никитич посылает и свое «Предложение о сочинении истории и географии российской». Оно является интереснейшим географическим трудом XVIII века. Это и теоретическое сочинение и конкретная развернутая программа.

Татищев настойчиво доказывает (и будет это делать неоднократно до конца своей жизни), «колико» история и география «в мире пользы приносят». Сказав о пользе истории, он далее замечает, что «гистория или деесказание и летописи без землеописания (географии) совершенного удовольствия к знанию нам подать не могут». И опять сожалеет, что «в России доднесь ни на каком языке яко географии, тако и ландкарт исправных нет...».

Далее, говоря о себе в третьем лице, он сообщает, что ему поручено написание географии и сочинение карт. А для этого нужно «от губерний и городов обстоятельные известия собрать». Он напоминает, что ранее «вопросные пункты» уже были составлены и «в некоторые места для опыта разосланы», но ныне ему известно, что «по тем пунктам многие ответствовали не в той силе...».

А затем, не упоминая о своем авторстве, он предлагает 198 вопросов губернаторам, воеводам и «протчим управителям», вопросов обстоятельных, продуманных, с примерами, размышлениями и разъяснениями... Собственно, это вопросник не только по географии и истории. Он касается почти всех наук: ботаники, зоологии, геологии, языкознания... Здесь же вопросы о разных обычаях, религиях, обрядах, суевериях и т. д. и т. д. Скорее это вопросник для многотомной энциклопедии «Все о России».

Вопросник этот предполагался к распространению через Сенат. Но Татищев уже знает о его неповоротливости, а потому сам «для скорости в Сибирскую и Казанскую губернии письменные (вопросы.— *И. Ш.*) послал и всем геодезистам роздал, чтобы получа те известия, удобно было генеральную географию сочинять...».

В Оренбургской комиссии Татищев приступил к работе над «Общим географическим описанием всея России».

Весной 1738 года именным указом императрицы от командира Оренбургской комиссии потребовали: «...всемерно надлежит вам со всею своею командою к Оренбургу поспешать без всякого отлагательства...»

Поход под Оренбург предстоял трудный. Уже почти год из Петербурга не присылали денег на жалованье солдатам и другим членам комиссии.

Не хватало нужной амуниции, припасов, продовольствия. Среди офицеров и солдат много больных, «чему причиною воздух и здешние серные воды». Сам Татищев тоже тяжело болен, а потому, несмотря даже на грозный указ, не смог выступить немедленно.

Наконец в середине июня 1738 года, в самую жаркую пору, Татищев с солдатами и целым штатом специалистов отправился из Самары к Оренбургу.

Оренбургскую крепость, заложенную Кириловым, Василий Никитич нашел в «ужасном состоянии». Он приказал укрепить стены и ров, но вместе с тем нашел, что место, выбранное его предшественником, неудачно: весной заливается водой, слишком удалено от других русских городов и окружено с одной стороны труднодоступными горами, а с другой — бесплодной степью. Укрепив крепость на Ори, Татищев решил для нового Оренбурга, т. е. нового главного города, выбрать новое место. Вот как об этом в своей «Оренбургской истории» писал П. И. Рычков.

«28 числа (июня.— *И. Ш.*) корпус команды отправлен был прямой дорогой к Озерному, а сам он, тайный советник, с штап-офицерами поехал к Яику реке для осмотра Красногорского места под строение Оренбурга...

2 числа июля помянутый тайный советник прибыл на урочище Красной горы и назначенные тут построение Оренбурга морским капитаном Эльтоном и инженер майором Ратисловским места вместе с ними полковником Тевкеловым и с прочими штап-офицерами разсматривал. Но понеже первое (место.— *И. Ш.*) стало под великою горою и к поселению тесно, а другое по косогору и на высокой горе, то усмотрено им, тайным советником, особое

место ровное и пространное, которое все признали за лучшее...»

Таким образом, при выборе нового места для города и крепости Татищев кроме прочих причин учитывал географические и природные условия.

А пока временную резиденцию Оренбургской комиссии решил держать в Самаре, определив строить там гостинный двор, магазины и «другие публичные строения».

В это же время Татищев продолжал руководить геодезистами, принятыми от Кирилова. Он познакомился с картами, оставшимися от предшественника, и для их «дополнения и поправления» послал геодезистов в Казанскую, Сибирскую и другие губернии. Он неоднократно сообщал в Сенат о трудной работе геодезистов, которые получают слишком «малое жалованье», а потому «не токмо нужных инструментов купить, но себе едва пропитание иметь могут».

Среди прочих дел, которыми Татищев занимался на посту командира Оренбургской комиссии, была попытка наладить торговлю со среднеазиатскими ханствами. Он посылает в Ташкент большой купеческий караван. Возглавлявшему его поручику Карлу Миллеру Василий Никитич составляет наказ, в котором поручает разведать «о состоянии, силе и власти» ханов, посмотреть, какие русские товары можно там продавать, привезти образцы азиатских товаров, если «узнается» о серебряной и золотой руде, то достать несколько кусков ее и место, где нашли руду, «записать». Более того, Татищев поставил перед караваном и некоторые научные цели, послав с ним двух офицеров, в том числе подпоручика Кошелева, «для описания тракта и географических примечаний».

Караван благополучно миновал Среднюю и

Меньшую орды, но был разбит и ограблен в Большой орде...

В конце 1738 года Татищев сообщает кабинет-министрам об усмирении башкир и успехах Оренбургской комиссии и просит разрешения приехать в Петербург для разных дел.

В начале 1739 года Татищев появился в столице и сразу же занялся деловыми хлопотами. Он засыпал министров, Сенат, Академию наук своими доношениями, предложениями, проектами... Кабинет вынужден почти каждую неделю обсуждать вопросы, поставленные горным начальником уральских заводов и командиром Оренбургской комиссии. Горные дела и строительство городов, торговля и управление инородцами, содержание казаков и губернское управление — десятки, сотни мелких и крупных проблем заботят его.

В своих проектах он выступает одновременно и как администратор, и как ученый. Его практическая деятельность и ученые занятия как бы переплетаются друг с другом. На одном из первых мест стоят его занятия географией и историей.

По поручению Сената он рассматривает «пункты о сочинении ландкарт», составленные академиком И. Н. Делилем. Он получает их 10 апреля, а уже 30 апреля 1739 года подает в Сенат свое доношение об организации картографических работ.

Василий Никитич начинает свое доношение со всегдашнего залева:

«Правительствующему Сенату довольно известно, что географическое совершенное всего государства описание необходимо нужно и всякому знать полезно...» И далее следуют доказательства этого положения.

Полагая, что Сенату известно о нем как об авторе будущего географического описания (он упомина-

ет даже о «повелении» императрицы), он дает сам себе характеристику:

«Я же, хотя нуждных к тому наук, яко физики, математики, а наипаче астрономии, також гистории, политике мало учился, но чрез долгое время прилежа о гистории русской, чрез непрестанные езды многие места видел и по делам положенным на меня многие известия в память собрал, а к тому, читая разных издателей географические описания, от охоты и ревности к пользе отечества возымел намерение российскую географию сочинить...»

Татищев оценивает себя скромно. Он, наверное, был прав насчет своих познаний в области физики, математики и астрономии, но едва ли кто-нибудь иной в России в это время собрал более материалов по русской географии и истории, чем Василий Никитич. В то же время он чувствует, что для более или менее полного географического описания еще «многих известий недостает», но намерен их восполнить ответами из губерний на его вопросник. Он считает, что его географическое описание будет иметь проблемы, но, несмотря на это, оно будет полезно, «доколе кто лучшую и исправнейшую сочинить может».

Татищев высоко оценивает «пункты» Делиля для геодезистов и его программы картографических работ, в принципе не возражает против такой методики и программы, но считает их слишком сложными. «...Понеже оное меряние и наблюдения астрономические, строения маяков или башен не малого времени требуют, государство же Российское так великого пространства, что неудобно верить, дабы оная мера по всему государству могла скоряе 30-ти лет окончится, хотя б никаких препятствий нечаянных не приключилось».

Татищев предлагает пока хотя и менее точный метод геофизических работ, но зато «без великих погрешностей... чрез три года тех губерний все ландкарты готовы быть могут».

В этом доношении Сенату у Татищева есть такая фраза: «И если кроме меня кому оное определено будет, то я все имеющиеся у меня чрез много лет собранные к тому известия отдать готов».

Фраза эта свидетельствует не только о бескорыстии Василия Никитича, но и о предчувствии опасных перемен в его судьбе. Но об этом несколько ниже.

Весь 1739 год Татищев, несмотря на неблагоприятные обстоятельства, усиленно работает и создает краткую русскую географию, которая называлась «Руссия или, как ныне зовут, Россия». Это своего рода тезисы будущего обстоятельного географического описания. В этом же году он пишет «Изъяснение на посланные начала гисторические». Несмотря на такое название, это скорее географический труд и предложения о более рациональном делении России на губернии и уезды.

Татищев привез в Петербург и свою «Историю Российскую» и «многим оную показывал».

В столице он сближается с кружком Артемия Петровича Волынского, который стал тогда уже одним из кабинет-министров. Внешне покорный Бирону, Волынский становится главой русской партии, оскорбленной засильем иностранцев.

По вечерам «конфиденты» (так называли членов кружка) собирались в особняке Волынского на Мойке и в беседах, которые часто длились далеко за полночь, обсуждали политические и ученые проблемы.

В круг конфидентов Волынского входили талантливый архитектор Петр Еропкин, помощник

Татищева на Урале советник Андрей Хрущев, генерал-майор Федор Соймонов, гвардейские офицеры из старинных русских фамилий.

Им, людям талантливым и образованным, Татищев читает свои научные труды, которые с жаром обсуждаются.

Но в это время над Татищевым нависла угроза, ибо он встал поперек корыстолюбивых замыслов фаворита императрицы Бирона. Уже упоминалось, что богатства горы Благодать разожгли алчность Бирона, а он, по выражению Татищева, «вознамерился оный государственный доход похитить». Через подставных лиц фаворит пытается получить благодатские рудники в свое частное владение. Но Татищев властью горного начальника пресекает подобные попытки и даже говорит дерзкие слова в адрес некоторых «нерассудных или бесовестных», подразумевая под ними и Бирона. Горный начальник не признает власти ставленника фаворита барона Шемберга, которого Бирон сделал главой так называемого Берг-директориума.

Раздраженный сопротивлением Татищева, Бирон поручает графу Михаилу Головкину, старому врагу Василия Никитича, найти сведения о каких-либо «несправах» горного начальника. И Головкин ловко собирает разные его «вины» и находит людей, недовольных Татищевым.

И вот горного начальника и командира Оренбургской комиссии обвиняют в «непорядках, нападениях и взятках», а также в том, что он еще «не поставил Оренбург на мере, где Оренбургу быть пристойно».

27 мая 1739 года Татищев был отстранен от всех дел и над ним назначили следственную комиссию.

Членов следственной комиссии, назначенной над Татищевым, подбирал сам Бирон. Несмотря на яв-

ную пристрастность, комиссия не смогла собрать сколько-нибудь убедительных доказательств виновности обвиняемого. Объяснения Татищева по каждому пункту обвинений были настолько убедительны, что комиссия не решалась вынести приговор, хотя Бирон и императрица приказали «репортовать» об окончании дела «немедленно».

Во время следствия Василий Никитич находился под домашним арестом, но и в таких условиях Татищев продолжал свои научные работы. Собственно, теперь, когда он отстранен от всех других дел, он смог уделять больше времени именно науке. Может быть, поэтому 1739 и 1740 годы были так плодотворны.

Находясь под домашним арестом, Василий Никитич был оторван от Волынского и его друзей, над которыми собралась гроза. Как это ни парадоксально, но именно следствие спасло Татищева от еще более ужасной участи, может быть, от смерти...

Волынский, добившись большой власти, стал неосторожен. Он говорит опасные слова об императрице. Пользуясь очередной ссорой Анны Иоанновны с фаворитом, он требует его отстранения от двора и от дел. Но Бирон спешно мирится с императрицей и решительно требует от нее: «Или я, или он». И Анна подписывает смертный приговор своему кабинет-министру и его конфидентам.

27 июля 1740 года Волынского четвертовали. Еропкину и Хрущеву отрубили головы. Остальных конфидентов били кнутом и сослали в Сибирь на каторжные работы.

Через два дня после смерти Волынского Татищева в очередной раз вызвали в следственную комиссию. Он сказался больным и не поехал. Он ждал лучших времен.

17 октября 1740 года скончалась императрица Анна Иоанновна. Бирон стал регентом при малолетнем императоре Иоанне Антоновиче. Бирон начал свое правление с милостей. Объявлен манифест о прощении «некоторых вин преступников...». Татищева эти милости не коснулись. Более того, хотя следствие и не закончено, но под нажимом Бирона комиссия выносит предварительное решение: «Лишить его (Татищева.— *И. Ш.*) всех чинов...» Решение это принято 25 октября 1740 года, а 7 ноября Бирон арестован. Правительницей стала Анна Леопольдовна. Посыпались новые помилования. Татищев продолжал оставаться под следствием. Положение его не улучшилось, ибо его старый враг Головкин стал вице-канцлером. Татищев подает челобитную в Сенат, в которой выражает недоверие членам следственной комиссии и просит рассмотреть дело в другом составе. Ответа на челобитную не было.

В июле 1741 года кабинет-министр Остерман, обеспокоенный раздорами среди калмыков, предложил Татищеву возглавить Калмыцкую комиссию, обещая при этом, что если он успешно справится с делом и примирит «инородцев», то «вымышления клеветников уничтожатся». Василий Татищев дал согласие.

Астраханский губернатор

31 июля 1741 года появился указ Кабинета о назначении Татищева в Калмыцкую комиссию. 18 августа он выехал из Петербурга. Прибыв в Царицын, он начал переговоры с калмыками, проявив при этом терпение и ловкость дипломата. 29 ноября он сообщил Остерману: «Калмык благополучно развел и одного другому обидеть не допустил».

Татищев тяжело болен, а потому обращается к кабинет-министру с просьбой отпустить его «на покой... ибо воистину я уже и малейшие трудности сносить по моей старости и слабости не в состоянии...».

Но Остерману уже не до Татищева: произошла смена власти, и на этот раз хитрый министр угодил на плаху.

В ночь на 25 ноября 1741 года гвардейцы совершили переворот и посадили на трон дочь Петра I Елизавету. Василий Никитич надеялся, что его пригласят в Петербург. Но этого не произошло. 15 декабря новая императрица подписала указ о назначении Татищева астраханским губернатором. Такое назначение издавна было почетной ссылкой.

Татищев обращается с письмами к своему старому знакомому и доброжелателю И. А. Черкасову. «Посылаю, — пишет он в одном из писем, — при

сем челобитную и прошу вас, моего государя, оную при удобном случае подать ее императорскому величеству, решение исходатайствовать, а наипаче просить господ министров о выдаче мне удержанного жалованья и чтоб меня отсюда взяли...»

Но его столичные враги, а их немало, вовсе не хотят его возвращения в Петербург или в Москву. И даже кабинет-секретарь Елизаветы И. А. Черкасов ничем не может ему помочь.

1743 год он опять начинает с тех же просьб. «Ныне,— пишет он Черкасову,— видя себя в крайней горести, принужден вас, моего государя, яко надежного благодетеля, просить, чтобы меня отсюда взять и, если я ни к какой услуге не гожесть, в дом отпустить...»

Но Татищев не только жалуется. Несмотря на болезни и горестное настроение, он много работает.

Он получил губернию в расстроенном состоянии. Астраханский край был довольно диким. По степям бродили кочевники, да промышляли рыбаки по берегам Каспия и Волги. В самой Астрахани занимались торговлей. Новый губернатор наводит порядок в управлении, отдает под суд лихоимцев, ссорится из-за непродуманных решений с коллегиями и петербургскими вельможами. Он мирит калмыков, покровительствует русским и иностранным купцам. И вынашивает свой план преобразования края.

Губернатор предлагает построить несколько новых городов, поселить на лучшие здешние земли казаков и крещеных инородцев, внедрить в земледелие новые культуры, завести разные ремесла, развернуть по-настоящему торговлю...

Программа преобразований созревает в процессе разностороннего изучения края. А изучение на-

чинается с самых первых дней. Еще по дороге в Астрахань Татищев вел путевой дневник, который, по мнению А. И. Андреева, «представляет большой интерес в историко-географическом отношении». А. И. Андреев считает, что и письма Татищева, которые он посылал из Астрахани разным людям, «представляют большое значение и для географа, и для историка».

О своих занятиях географией Василий Никитич писал из Астрахани оренбургскому губернатору И. И. Неплюеву: «...я паки о том полезном отечеству деле вознамерился прилежать и просил от Правительствующего Сената двух геодезистов, чтобы мне здешние доднесь неописанные в Персии и Бухарии, а точнее сказать и вблизи около Астрахани, места описать и ландкарты зделать, токмо ни одного получить не могу и делать неким. Однакож, видя из того великую пользу, есче дерзну представить и, если получу, трудится не оставляю». Астраханская география, как считает А. И. Андреев, была Татищевым написана, но рукопись ее до сих пор не найдена. О занятиях его географией этого края свидетельствует и то, что в «Лексиконе...» статьи об Астрахани и о других местах края составлены, пожалуй, наиболее обстоятельно.

Еще в Оренбургской комиссии Татищев начал составлять «Общее географическое описание всей России». В Астрахани он продолжил эту работу. В начале 1745 года это описание (вернее, часть его) было закончено и называлось так: «Введение к историческому и географическому описанию Велико-русской империи».

«Часть первая, в которой как древнее, так и нынешнее состояние того великого государства и обитающих в нем народов и другие к ведению принадлежащие обстоятельства, по возможности, на

первый случай к сочинению исправнейшей и обстоятельнейшей гистории вновь собраны и кратко описаны».

«Введение...» — самое крупное географическое сочинение Татищева. Оно является расширенным вариантом труда «Руссия или, как ныне зовут, Россия» и включает в себя значительную часть «Общего географического описания всея Сибири». Но во «Введении...» много и нового материала.

В Астрахани же Татищевым написано «Напоминание на присланное росписание высоких и нижних государственных и земских правительств». Это, собственно, не столько географическое сочинение, сколько проект нового административного деления России. Татищев считал, что современное ему деление на губернии, провинции, уезды не всегда удачно и что «недостатки и погрешности» «приключаются» из-за плохого знания географии, а также из-за «властолюбия или любоимения» «сильных людей» (Меншикова, Гагарина), которые приписывали к губерниям города и земли, исходя из корыстных интересов. В «Напоминании...» Татищев уже не в первый раз доказывает пользу и нужность наук, в том числе и географии. Незнание последней, по его мнению, приводит к разным казусам и ошибкам. У него есть такой пример: «...в Сибирь и Астрахань во все города присланы указы о нерублении дуба, не ведая того, что во всей Сибири дуба не знают, а в Астрахани никакого леса почти нет. Следственно, бумага, труд и провоз туне приключен».

В этой же работе он дополняет свое определение географии как науки. «Собственно география представляет описание коея либó области или предела, в чем первое — имя, какого языка и что значит, также границы от севера, востока, юга и запа-

да; положение, поля, горы, реки, озера, болота и проч.

Оная состоит в четырех качествах: 1) астрономическое, 2) физическое, 3) политическое, 4) историческое».

И далее — довольно обстоятельная характеристика каждого из этих «качеств».

В Астрахани Татищев продолжал и картографические работы. Геодезистов ему, кажется, так и не прислали, и он как-то обходился людьми, бывшими у него под рукой. По его просьбе (и по распоряжению Сената) Академия наук прислала в Астрахань копии 25 карт «о положении рек и мест от Кизляра до вершины Кубани и Дону, также и по Волге». Часть этих карт была в свое время послана в Академию Татищевым.

Летом 1745 года Василий Никитич получил Атлас Российский «для того, что Академия из сообщенных от его превосходительства ландкарт немалую пользу получила...». Академия просила Татищева сделать на новый атлас свои замечания и прислать их в Академию. Первые свои замечания Татищев выслал уже 26 июля 1745 года, а потом по мере изучения атласа присылал новые.

Из Астрахани Татищев послал в Академию «Книгу Большого чертежа» (вернее, список ее) со своими обстоятельными примечаниями. А. И. Андреев считает, что этот памятник русской географии открыт для науки именно Татищевым и им же подготовлен для печати.

И наконец, в Астрахани Василий Никитич много работал над составлением «Российского исторического, географического и политического лексикона», который к 1745 году был доведен до буквы К.

Побуждением к составлению «Лексикона...» явилось знакомство Татищева с иностранными лексико-

нами, в которых содержались «великие о России неправости», а именно: имена, места и т. д. «положены разнo в разных местах» и, таким образом, о них «иногда дознаться нельзя, порядок государей нарушен, смешены дела государей одного имени, и суще сказать, что ни одного артикула во всем правильного без погрешности отыскать невозможно». «Для того,— писал Татищев,— при сочинении трудился Лексикон российской гражданской сочинить». Работа над «Лексиконом...» началась, очевидно, еще в 1730-х годах.

В июле 1745 года Василий Никитич писал из Астрахани в Академию наук: «Ныне вам посылаю сочиненного мною Российского исторического, географического и политического лексикона 7 тетрадей, сколько мог прочесть и дополнить; а затем хотя до буквы «Л» написано, но прочитать времени недостает. Сие прошу показать кому из профессоров и, рассмотрев, в чем надлежит исправить или дополнить и печати предать. И хотя оный совершенно вдруг сочинить неудобно для того, что не все артикулы на память вдруг придут и обстоятельства некоторые немногим ведомы, для того всегда дополника потребуются, но за тем напечатанием медлить не потребно, понеже на такие книги охотников весьма довольно будет и долго не залежаться, то при другом напечатании можно дополники и поправки внести, особливо когда предисловием к сообщению оного поохотитесь...»

Татищев убеждал своего адресата — библиотекаря Академии наук И. Д. Шумахера — о необходимости поощрять авторов подобных лексиконов. «Но, как вам известно, что у нас о таких делах иногда сообщать стыдиться или не радят, для того можете о мне и других таких, в том потрудившихся, в предисловии показать».

Но Академия наук татищевский «Лексикон...» так и не напечатала. В следующем 1746 году Василий Никитич обратился за помощью уже к президенту Академии графу К. Г. Разумовскому. «...Ежели ваше сиятельство,—убеждал он президента,—ваш труд к тому приложить изволите, то, конечно, все оное к славе ея и. в. и пользе всех любомудрых, а паче нашему отечеству вскоре исполнится может, а чужестранные о нас баснословия и лжи пресекутся».

Но напрасно тратил Татищев свое красноречие: Разумовский тоже не внял его просьбам. Единственное, что сделали в Академии, — отдали 27 тетрадей «Лексикона...», присланного Татищевым, для переписки «китайского языка ученику» Якову Волкову, причем копия, сделанная «китайского языка учеником», изобиловала многочисленными искажениями: вместо Двины — длина, Дербента — бейберта, татары — таково и т. д.

Однако Василий Никитич продолжал упорно работать над «Лексиконом...». Даже в 1749 году он вносил «в Лексикон касасчиеся в России урочисча, реки, озера, горы и народы».

«Лексикон...» носит энциклопедический характер, но географические термины занимают в нем видное место. Не все статьи равноценны. Некоторые занимают всего несколько строк, другие достаточно обширны. Наиболее обстоятельные географические статьи относятся к Уралу, части Сибири, Башкирии, Оренбургской и Астраханской губерниям, т. е. к тем местам, где бывал Татищев и сам собирал нужную информацию.

Возьмем, например, статью об Астрахани.

«Астрахань, город в Азиатской России, от Москвы чрез степь 1412, а от моря Каспискаго 108 верст, по широте 46 $\frac{1}{2}$ градуса. Имя сие не татар-

ское, не сарматское, но видимо, что из языка древних обывателей, ибо и Птоломей в его время народ около онаго кладет астуркани, но что значит, неизвестно...» Далее приводятся самые разные толкования слова «Астрахань» как древними, так и современными Татищеву авторами, а также приводятся исторические факты и события из истории города. Затем идет описание самого города.

«Астрахань... укреплен каменными стенами з башнями старинным обычаем. Он разделен на двое: замок, на нем 8 башен, в том 4 с воротами, по стене кругом 703 сажени. От онаго к востоку Белой, на нем 12 башен, в них семеры ворота. От Кремля по стене и паки к Кремлю по стене 1047 сажен. В замке, которой к реке Волге, на бугре церковь соборная великая и дома губернаторской и архирейской, канцелярии, цейхгауз и несколько магазинов; в другом один монастырь и несколько церквей каменных. 3 гостиные дворы каменные — русской, армянской и индийской. Затем обывательские дома, почитай, все деревянные, весьма тесного и непорядочного строения, затем слободы. В 1741 укреплены niskим транжаментом, во оном транжаменте Адмиралтейство, где содержатся несколько судов для ходу по Каспическому морю с торгом, за тем живут купечество русское, також армяне, грузинцы, бухара, персиане, индейцы, черкасы и разные татара имеют свои особливые слободы и церкви или дома молитвенные публичные, якоже и папешная церковь деревянная, недавно построенная. Они отправляют в Персию, Хиву, Бухары, Индию и в Дагистань немалый торг, в котором Аглинская компания немалое участие имеет».

Далее Татищев рассказывает о «различных утеснениях», которые «претерпел» город: о набеггах турок и хана крымского, о моровом поветрии 1642 го-

да, о взятии Астрахани «бунтующим донским казаким Разиным» и т. д.

Дается и экономическая характеристика Астрахани. «Довольство сего города состоит в ловле рыбы, добывании и отпуску вверх соли. К тому же имеют немало огородных овощей, яко винограда, персиков, априкозов, вишен, а наипаче всего дыни разных родов и арбузы, которым, почитай, нигде ровных не находится, и множество долгаго перца. Частию бумага хлопчатая родится, якоже и другие зелия, которых в России весьма редко, или и не знают, яко атуры растут подобные тыкве, но малы и весьма иного вида и скуса баданжан, но его в ботанических книгах не нахожу, аспаргав по полям, к морю в воде орехи чилим и пр. В ремеслах фабрики шелковых и бумажных матерей довольно размножаются».

А вот как характеризует Татищев Волгу:

«Волга, река в России, есть величайшая во всей Европе, начало ея в уезде Белой из многих малых озер и болот истекает и продолжается более 3000 верст, приняв многие великие реки, впадает близ Астрахани между множеством островов в море Каспийское. Древние писали ея к морю 70 протоков, и если щитая от Астрахани до моря, то может и более островов и малых протоков соберется, да прямо исчислить невозможно, ибо когда в море вода мала, тогда островов более, а когда велика, то многие стопляет, однакож, как по описанию известно, к самому морю только 23 протока.

Имя сие сарматское, значит ходовая или судовая, по которой большие суда или паче торговые ходят. Но оное не далее как до устья Оки, а ниже именовалась от сармат Раа, еже значит обилие. По пришествии ко оной татар в начале 13 ста названа от них Идель, Адель и Эдель, все сии имя-

на татарские и арабские, значит обилие, привольство и милостивая. И сие ей имя весьма приличное, ибо едва река множеством различных рыб и к житью способными в пажитях и пашнях мест сравнится может ли, она способною к судовому ходу началась при монастыре Селижаровском, где с левой стороны из озера Селигера пришла немалая река Селижар. По ней городов: 1. Ржева Володимиорова, 2. Зубков, 3. Старица, 4. Тверь, Углич, 5. Романов, 6. Ярославль, 7. Юрьевец, Кинешма, 8. Балахна, 9. Нижний Новгород, 10. Василь, 11. Кузь модемянск, 12. Чебоксары, 13. Кокшайск, 14. Свияжск, 15. Казань, 16. Тетюши, 17. Синбирск, Белой Яр, Ставрополь, 18. Самара, 19. Сызрань, 20. Каспир, 21. Саратов, 22. Дмитриевск, 23. Дубовка, 24. Царицын, 25. Черный Яр, 26. Енотаевской, 27. Чигит, 28. Красной Яр, 29. Астрахань, 30. Седлисто-бугорской. Но выше Царицына между городами великих слобод, сел, деревень великое множество, колико же запустелых, татарами разоренных по ней городиш видимо, а работных людей, всегда на судах вверх и вниз ходящих и рыбы ловящих, по малой мере до миллиона счислять можно».

Интересные (даже для сегодняшнего читателя) дает Татищев характеристики конкретных гор, морей, озер, урочищ, монастырей, заводов... Любопытны описания географических терминов: долгота земли, залив, губа, дол, географ, геодезист и др.

«Географ, который или от государя определен, или своею охотою сочиняет обстоятельное всея земли или государства, иногда же коего предела описание. Должен довольно искусен быть в острономии, геодезии и гистории, дабы не токмо обстоятельно все написать, но правильные чертежи сочинить, к чему служить ему геодезисты».

Статьи «Лексикона...» обрываются словом «ключник»; всего около 1500 статей. Кроме того, Татищев составил словник «Звания городов, урочищ, рек, озер, чинов, фамилий, денег и обстоятельств, в России употребляемых», а также «Дополнку росписи лексикона гражданского». Всех слов от «А» до «Я» насчитывалось несколько тысяч.

«Лексикон» Татищева издали впервые только в 1793 году в типографии горного училища. Но и до издания он не оставался втуне. Копии татищевской рукописи ходили по рукам. Историк Г. Ф. Миллер отмечал, что списки этого «Лексикона» «находятся у некоторых любителей Российской истории». Известно, что кроме Миллера рукописный «Лексикон...» имели П. И. Рычков, И. Н. Болтин, П. А. Соймонов, Екатерина II и др.

«Лексикон», — писал Л. Е. Иофа, — был первой попыткой создания энциклопедического словаря в России, попыткой смелой, которая была по плечу только многостороннему и выдающемуся дарованию В. Н. Татищева. Географическая часть «Лексикона...» послужила прообразом словаря Полунина, затем эта работа была продолжена Максимовичем, Щекатовым, Семеновым (Тян-Шанским).

В Астрахани Татищев успел сделать очень много. Все, кто общался с губернатором, удивлялись его работоспособности. Англичанин Ганвей оставил такую зарисовку: «Этот старик был замечателен своей сократовской наружностью, изможденным телом, которое он старался поддержать долголетним воздержанием, и, наконец, неутомимостью и разнообразием своих занятий. Если он не писал, не читал или не говорил о деле, то перебрасывал жетоны из руки в руку».

А доктор Аерх, проезжавший через Астрахань, оставил в дневнике такую запись: «Октябрь 27,

1744 года прибыли мы в Астрахань. Губернатором был там известный ученый Василий Никитич Татищев... Он говорил по-немецки, имел большую библиотеку отличнейших книг и был в философии, математике, а особливо в истории весьма сведущ. Татищев жил совершенным философом и особливые имел понятия о законе (т. е. религии. — *И. Ш.*)... Он был слабого здоровья, но сие не препятствовало ему быть деятельным и решительным в делах...»

Татищев почти постоянно болен. Он стар, одинок. С женой он развелся вскоре после возвращения из Швеции. У сына и дочери своя жизнь. Новых друзей в Астрахани он уже не приобрел — не те годы. Самых близких ему людей уже нет в живых. Зато врагов стало больше. Своей резкостью и непримиримостью он наживал все новых и новых врагов...

Он шлет в Петербург челобитную за челобитной с просьбой отрешить его от губернаторства и отпустить на покой. И его отпустили, но совсем не так, как он надеялся. В апреле 1745 года следственная комиссия вынесла, наконец, приговор. Его обвинили в том, что он вел без указа строения в Самаре, что отправил с ташкентским караваном собственные товары.

Напрасно шлет Татищев свои обоснованные оправдания. К ним не прислушиваются.

По этому решению Татищева освободили от должности губернатора. А кроме того, в указе Сената говорилось, чтоб его (Татищева) «ни к каким делам впредь не определять», жить ему в своих деревнях до указа, а в Петербург не ездить...

Сдав дела новому губернатору, 17 ноября 1745 года Татищев выехал из Астрахани в подмосковное Болдино, но из-за болезни остался зимовать в деревне своего сына под Симбирском.

Болдино

Сначала он воспримет все запреты как что-то временное. Пройдет какое-то время, и следственная комиссия разберется в обвинениях, на него возведенных, и уберут из его усадьбы поручика и солдат, присланных Сенатом для надзора. Он сможет тогда выезжать в Москву и Петербург, встречаться с умными и образованными людьми, приобретать новые книги и рукописи, нужные для работы над историей и географией.

Но напрасно будет он посылать письма «сильным» людям в столицу, напрасно надеяться на помощь юного президента Академии наук Кирилла Разумовского... До самого смертного часа он будет находиться под домашним арестом и не покинет своего Болдина.

Болдино. Это слово связано с именем великого поэта, с его уникальным творческим периодом. Здесь речь о другом Болдине. Не нижегородском, а подмосковном. Но это тоже творческая мастерская. Здесь завершилась «История Российская», положившая начало русской исторической науке. Здесь создавались и другие труды, в том числе и географические.

Татищев уже стар — начался седьмой десяток. Он болен, его тело немощно и часто бессильно перед

недугами. Его некогда редкая память все чаще изменяет ему.

И все-таки ум его ясен, в нем не чувствуется старческого увядания. По-прежнему он много работает. И здесь, в Болдине, он не может отрешиться от забот государственных и научных. Даже простое перечисление его болдинских занятий вызывает удивление...

Он подает в Академию свое мнение о затмениях солнца и луны, проект «о учинении вольных типографий», предложения об исправлении русского алфавита и о «напечатании азбуки с фигурами и прописями», он «пространно» изъясняет «все обстоятельства» причин «тягости и беспорядков в настоящей ревизии», составляет почтовую книгу России, готовит к изданию и комментирует «Судебник Ивана Грозного»... И еще многое другое...

Конечно, основное занятие Татищева в Болдине — это «История Российская». Но занятие историей у него все время переплетается с географией и другими науками. Собственно, его «История» — это одновременно и география. Но иногда он прерывает занятия историей и занимается разными географическими изысканиями. В письмах от 25 и 30 сентября 1746 года он сообщает, что занялся составлением «Почтовой книги», или «Книжки расстоянием мест».

«Не имея иного дела,— пишет он,— из емских почтовых и посыланных в разные места росписей» и своих «путей из журналов» стал сочинять «Книжку расстоянием мест», которая «многим угодной и полезной быть может». Он продолжает внимательно просматривать карты, присланные ему Академией, составляет «роспись» замеченных им ошибок. Это помогает и в составлении «Почтовой книги».

В конце декабря 1747 года Татищев сообщает в одном из писем: «Почтовую книгу я желал для пользы географии незрячим порядочно сочинить, но за многими недостатками принужден порядок емской книги оставить, и хотя многое переправлял и вдвое умножил, но со всем тем едва не столько ж погрешностей и недостатков осталось, доколе о том надлежащее прилежание от имеющих власть показано будет, однакож она к употреблению несколько пользы принести может».

В Болдине Василий Никитич основательно переработал 39-ю главу второй части «Истории Российской», которая ранее называлась «О географии русской». Теперь эта глава, дополненная и неоднократно правленная, вошла в первую часть «Истории Российской» и получила название «О географии вобщем и об русской». Эта 43-я глава является последним, как бы итоговым трудом, посвященным теоретическим вопросам географии и истории географической науки в европейских странах и в России. К рукописи главы Татищев приложил пять историко-географических карт, которые до нас не дошли.

В 43-й главе Татищев дает, пожалуй, самое последнее определение географии, ее сущности.

«География есть слово греческое, значит землеописание, и хотя оно разные именованья имеет, яко космография, топография, гидрография, но существенно сие токмо едино, описание земли значащее, ибо космография есть мироописание, в котором светила небесные, яко солнце, планеты, спутники планет и звезды, заключаются, их величество и расстояние описывается, что собственно до астрономии, а качество действ до физики принадлежат, хотя некоторые под именем космографии описали токмо землю. Противно тому, другие в имя геогра-

фии включили космографию. Хотя и то верно, что география не может быть ясною без показания неких астрономических обстоятельств».

Далее Татищев делит географическую науку, во-первых, «по величествам предприятия писателя», во-вторых, «по качествам».

К первому делению он относит: 1. «Универсальную, или генеральную», которая охватывает всю землю с водами или ее крупные части. 2. «Специальную, или участную», т. е. географию отдельной страны «со всеми к оным принадлежностями», «топографию или предолописание», которое описывает какую-то часть или область страны.

«По качествам» география у Татищева делится на математическую, физическую и политическую.

Математическое качество есть «измерение, изчисление великости линей и циркулей по земли умобразительных», т. е. построение системы координат и определение положения географических объектов на земной поверхности.

«Физическое обстоятельство географии показывает по разности положенной разность пременений воздуха, теплоты и стужи, и производящего из того природного довольства и недостатка не токмо на поверхности, но внутрь земли и воды родящегося, которое к разсуждению о примножении пользы и отвращении вреда полезно и нужно». В физической географии Татищевым уже понят принцип комплексного изучения.

Политическая (или в нынешнем понимании — социально-экономическая) география «описание представляет селения, великие и малые, яко грады, пристани и пр., правительства гражданские и духовные, способности, прилежности и искусства, в чем либо того предела обыватели упражняются и преимуществуют, яко же их нравы и состояния, и

как сии обстоятельства по временам прменяются...».

Последняя фраза особенно примечательна. Татищев пытается представить географию не в статике, а в потоке исторического времени. Недаром следующий пункт определения географии гласит: «Описания земли и предел по прменам времен различаются на древнее, среднее и настоящее». Многие разделы «Истории Российской» (не только 43-я глава) представляют собой своеобразную историческую географию и рассказывают, «как сии обстоятельства по временам прменяются...».

Вообще мысли Татищева о взаимоотношениях географии и истории представляют определенный интерес и в наше время. А для тогдашней эпохи требование исторического подхода к географическим явлениям стало, пожалуй, теоретическим открытием. И наоборот, на исторические события Татищев предлагал смотреть и географическим взглядом.

Мысли об отношениях географии и истории Татищев вынашивал длительное время. Пожалуй, впервые достаточно четко он сформулировал их в своей анкете-вопроснике, названной им «Предложение о сочинении истории и географии Российской» (1737 г.). Заметим: не об одной истории или об одной географии, а «о сочинении истории и географии». Уже там он сделал вывод: «И тако, гистория или деесказание и летописи без землеописания (географии) совершенного удовлетворения к знанию нам подать не могут». Об этом говорится во введении к вопроснику. А в самом вопроснике Татищев требует от губернаторов, воевод и «протчих управителей» ответов, например, на такие вопросы.

Первый вопрос: «Како древние звания тех мест напред сего было...»

Второй вопрос: «Имяна некоторых полей и уро-
чищ, ежели в гистории коего рода обстоятельства
памятны для учинившейся битвы или съезда, яко
Куликово поле от Мамаева поражения, или иным
чим заняты, от известей и положения описать».

Третий вопрос: «Когда и каким случаем тот
предел под власть Российскую пришел...»

Четвертый вопрос: «Которая губерния, провин-
ция или уезд с востока, полудни, запада и севера
с которым и прежде граничела, и как ныне грани-
чит».

И так далее. Уже по этим вопросам мы видим,
как переплетаются у Татищева географические яв-
ления с историческими событиями.

Вернемся к 43-й главе «Истории Российской».
Дав достаточно развернутое определение географии
как науки, Татищев далее кратко рассказывает
историю европейской географии. Он упоминает
Страбона, Анаксимандра Милетского, который, «за
560 лет до Христа живший, ландкарту сделал»,
Геродота, Плиния и т. д. Чувствуя проблемы свое-
го очерка, Татищев желал «по истории всех госу-
дарств представлять, где и от кого какое о том
прилежание было и кем лучшие способы к сочи-
нию исправных глобусов и ландкарт поданы». По-
ка же Василий Никитич приводит лишь несколько
примеров.

Далее Татищев излагает основные этапы рабо-
ты над созданием русской географии, заботы о ней
Петра I и Якова Брюса и переходит к собственным
«предприятиям» «о сочинении географии». И когда
доходит до болдинского периода своей жизни, выра-
жает искреннее беспокойство судьбой русской гео-
графии.

И опять — уже в который раз — сокрушается он
о том, что «доднесь» «не сочинено обстоятельной

российской географии», о том, что слышно «от некоторых такое рассуждение, якобы оно к знанию не весьма нужно, и для того якобы не потребно на то так великое иждивение полагать, какого на то, по представлениям Академии профессора Делля и моим, поданным в 1739-м году, требуется».

И снова и снова объясняет, доказывает, убеждает, что знание географии нужно всем, по крайней мере многим, что «во всех гражданских правительствах от нижняго до высшего знание географии или точных известий о пределах и весьма правильные ландкарты иметь необходимо нужно и одно без другого недостаточно...», что «военным начальникам також оно не меньше нужно, как гражданским, ибо нередко то случалось, что мудрые полководцы сильнаго неприятеля единою удобностию положения побеждали...» и «посему необходимо нужно всему шляхетству сию науку достаточно во младенчестве обучать с таким намерением, что он, если будет в гражданском или военном правительстве знатным чином, чтоб ему не тогда оную обучать и не яко слепому о цветах рассуждать...».

Для большей убедительности Татищев приводит самые простые примеры, стараясь показать, что даже в личном дворянстве отдельных дворян географические знания полезны и выгодны. «Пример мы видим в сем очевидный, кто своея деревни положение, довольство и недостатки, способности и неудобности к чему либо знает, а к тому чертах порядочный пред очми имеет, тот, конечно, к пользе своей лучше определять может, нежели о той деревне, в которой он никогда не бывал, описания и чертежа не имеет».

И далее о господине, который завел конный завод, «не ведая», что в имени его воды мало и она «худая». И «узнал уже со вредом когда дорогою

ценою купя жередбов и кобыл поморил и принужден инде место искать».

Или другой случай.

«Равно тому сосед мой, слыша у другаго соседа о прибыточной мельнице на той же реке, при которой его отчина была, велел немедленно свою построить, чрез что, столько своих лугов потопя, увидел, что вдвое убытка в сене, нежели дохода от мельницы, получал, принужден паки оную разрыть».

Отмечая, что таких примеров «весьма бы много можно представить», Татищев не делает это потому, что мудрым правителям любого ранга и этого достаточно, «а для тех, которые более о своей собственной, нежели отечественной, пользе прилежат, есть весьма негодное, ибо им лучше в мутной воде рыбу ловить и неведущих о состоянии вымышленными известиями обманывать».

У самого же Василия Татищева мы постоянно чувствуем искреннюю заботу об отечественной пользе и в рассуждениях, и в делах. Он чувствует, как убывают силы от болезней и старости, силы, которые нужны ему для завершения истории и географии России.

Татищева беспокоит судьба собранных им географических материалов. В той же 43-й главе он пишет: «...хотя к сочинению Лексикона и Географии многое было заготовлено, но за многими ко оным недостатки все, кроме истории оставил. Однако ж и оные (т. е. «Лексикон» и «Географию». — *И. Ш.*) имеюсему к тому охоту докончить нетрудно, если токмо по мне не утратится».

Татищев словно взывает к другим о завершении незаконченных им работ по русской географии. Это что-то вроде завещания в предчувствии скорой смерти. В самом же конце главы он скорбит о не сделанных историко-географических картах и кон-

чает ее жалобой: «...нужно времени сих государей (выше шло перечисление этих государей.— *И. Ш.*) каждого особою ландкартою показать, токмо моя слабость тому препятствует, а помосчика искуснаго ни за какие деньги получить не могу».

Уже отосланы в Академию наук большинство глав «Истории Российской», и Татищев в 1748 году вновь напоминает все той же Академии наук: «...весьма нужно о сочинении обстоятельной русской географии и лексикона прилежать надобно, токмо оное без воли и определения ея величества учинить никому невозможно, для того, что многие известия, почитай, от всех правительств требуют, а наипаче прежде о пределах в Сенате рассмотреть нужно...»

Как и раньше, Татищев пишет своего рода рецензии на разные рукописи и книги. В 1746 году на перевод труда Абулгази (о Сибирской Татарии) он составляет две тетради примечаний.

В начале 1748 года он сообщил в одном из писем: «Ныне я на Геродотову историю сделал алфавитическую роспись гораздо полнее находящейся в той книге и по оной в Лексикон касающияся до России урочисча, реки, озера, горы и народы в Лексикон вношу».

В 1749 году Василий Никитич пишет примечания на «Сибирскую историю» Г. Ф. Миллера. Надо отдать должное Татищеву как критику — он достаточно объективен в оценке чужих трудов. Ведь в определенном смысле Миллер для него соперник, конкурент, тем более что И. Д. Шумахер и Г. Н. Теплов, посылая Татищеву рукопись (вернее, что-то вроде верстки книги), ясно намекнули, что хотели бы получить отрицательный отзыв.

Но миллеровскую историю, основанную на многочисленных архивных документах, Татищев про-

читал с «великим удовольствием», о чем и сообщил Шумахеру. И в то же время Василий Никитич сделал 27 «примечаний» историко-географического характера.

И вообще Татищев старался помогать всем, кто занимался русской историей и географией. В последние годы он вел переписку с П. И. Рычковым, с которым работал в Оренбургской комиссии. Под влиянием Кирилова и Татищева Рычков стал собирать материалы по истории и географии Оренбургского края. Свои сочинения Рычков присылал в Болдино и получал оттуда советы и замечания. Интересные замечания Василий Никитич сделал и на ландкарту Оренбургской губернии, присланную Рычковым.

Эти замечания («Напомнение на присланное описание народов, что в описании географическом наблюдать нужно») Татищев приложил к письму П. И. Рычкову от декабря 1749 года. Письмо это тоже наполнено заботой о географии. Приведем из него отрывок.

«Государь мой Петр Иванович.

В начале поздравляю вас наступающим праздником. Ваше присланное описание народов многое мне удовольствие принесло, ибо в нем много того, чего доднесь или не знали или весьма смутно разумели. Однакож как оное есть первое сочинение, так много требует дальнейшого и внятнейшего уведомления. Для того я что упамятовал, записав кратко, вам посылаю, либо способ дастся что-либо дополнить или изъяснить. И если что приобретете, то прошу мне сообщить. Вам же сие годится к сочинению Оренбургского описания, которое, как я вам прежде писал, требует многой дополнки.

Я об оном с бывшим у меня недавно с членом

Академии рассуждал, чтоб оное напечатать; но он, прочитав мое напомнение черное, сказал, что оное описание он видел у президента и усмотря, что многого не достаёт, а другое в избыток пространно, для того уничтожил. И для того советую вам оную негде переделать, а многое старое останется, к чему и дополнить многое можете. По котором я о напечатании и о награждении вашего труда всеконечно надеюсь вам услужить...»

30 мая 1750 года Татищев писал о Рычкове в Академию наук и рекомендовал принять его в члены Академии.

Бескорыстная забота Василия Татищева о русской науке не осталась незамеченной. Г. Ф. Миллер, например, дал о нем такой отзыв: «Господин тайный советник Татищев, как известно, человек не завидливый, но весьма откровенной в делах, до простиранья наук касающихся, и охотно он сообщать будет, что у него есть для списания Академии, а иногда он и сам изволит некоторые подлинныя книги Академии уступить».

Но доброжелателей у Татищева в то время было все-таки меньше, чем врагов. Само имя его в болдинский период находилось как бы под запретом, по крайней мере вызывало неудовольствие у правящих кругов. Поэтому Василий Никитич, посылая в Петербург свои научные труды, а особенно проекты разных реформ, не объявлял себя их автором. Так, подавая графу Воронцову, дружелюбно к нему относившемуся, свой проект экономических реформ, он заранее соглашался на то, чтобы граф поставил под ним свое имя.

Интересно объяснение причин, заставивших его приняться за этот проект. «Сколько я... от великого монарха (Петра I.— И. Ш.) у научению и позна-

нию способой к знанию економии государственной чрез многие годы приобрел, толику я, яко ДОЛЖНЫЙ (выделено мной.— *И. Ш.*), прилежал... дабы тот данный мне талант приусугубленный явить, а не в землю и под спуд лени и неблагодарности скрыть, но елико можно от плода того к пользе и чести государя и государства служасчее в дар принести».

В Болдине Татищев продолжал работу и над сводом «Собрания законов». Он собрал и обстоятельно прокомментировал «Русскую правду», Судебник Ивана Грозного, Уложение Алексея Михайловича и другие законодательные памятники. Изучая старые законы, он сопоставлял их с действующими и предлагал проекты новых законов, «дабы тем могли лучше о прошедшем знать и о будущем правильнее рассуждать». «Да наше желание,— продолжал он с горестной дерзостью,— к тому недостаточно, ибо имеючие власть иначе о том мнят и более о своей, нежели обсчей, пользе прилежать или о сем думать и времени нет».

Главным научным трудом Татищева, над которым он работал до конца своей жизни, является «История Российская». Тридцать лет посвятил он этому труду. Он начал его в 1720 году, перед тем как поехать первый раз на Урал. В 1722 году он уже показывал часть своей «Истории» Якову Брюсу и Феофану Прокоповичу. В 1739 году привез в Петербург почти полный свод древней русской истории и продолжал работать над ним и во время бироновской опалы, и в астраханские годы. В Болдине он разрабатывает третий, а может быть, и четвертый вариант...

«Истории Российской» Татищева посвящены многочисленные исследования. Несмотря на отдельные разногласия, он признан родоначальником рус-

ской исторической науки, которая начинается с соединения исторической теории с историческими фактами.

Татищев начинал. И достойны удивления не недостатки его труда, а его достоинства. Сам Татищев так и не дождался объективной оценки. Впрочем, он умел критически относиться к своему труду.

«Паче мудрый в моем сочинении может с избытком величайшие погрешности усмотреть, и, если бы во мне ревность к пользе, славе, и чести отечеству тот страх не преодолевало, то, я, конечно, весь мой начатый труд должен был оставить и написанное истребить, но потом рассудя, что мудрый и благонаправный малое мне полезное похвалит, великие пороки и погрешности исправит, а злых на пререкание устремившихся никакая мудрость и польза от того удержать не могут, как тех прикладов с преизбытком видим».

Татищев не только создал первую, по выражению С. Н. Валка, «общую схему развития русского исторического процесса», но и «наметил также схему развития всемирно-исторического процесса».

«Всемирное умопросвящение», по Татищеву, определялось тремя обстоятельствами: «первое... обретение письма», «другое... учение Христово», «третье — обретение тиснения книг». Последнее он считал важнейшим событием в истории человечества, ибо «по обретении тиснения вскорости множество полезных книг не малым числом стали печатать, а чрез то оное всяк имея, способнее к распространению наук прилежать начали, многие училища и академии по разным местам устроены и чрез оные большой свет истинного разума открыли».

Татищев сожалеет, что книгопечатание в России «единственно казенное, а вольное не допуска-

но». Он считает, что «если вольного книгопечатания допущено не будет, никак книгам полезным и наукам нужным распространяться невозможно и многие из древних полезные нам письменные книги распропадут, что иных впредь и знать не можем».

В конце июня 1750 года Татищев закончил наконец последнюю редакцию первой, самой важной части «Истории.» и сообщил в Академию, что она переписывается бело.

И вскоре почувствовал приближение смерти. Он заказывает столяру гроб и сам вытачивает для него ножки. Он едет в церковь, просит священника приехать к нему в дом для исповеди и причастия, выбирает место для могилы.

Он вызывает из Москвы сына с женой. Они застали его еще на ногах, спокойно отдающим распоряжения по хозяйству.

Накануне смерти, 14 июля 1750 года, Василий Никитич последний раз ездил с внуком в приходскую церковь. Поехал туда верхом, но вернуться вынужден был в коляске. Вечером к нему зашел повар и спросил о меню на завтрашний обед. Василий Никитич ответил, что теперь он уже не хозяин, а гость, и отослал повара к сыну.

Утром 15 июля в Болдино приехал священник. После исповеди и причастия Василий Никитич собрал всех домашних и дворовых людей, простился с ними и попросил священника начать соборование. По семейному преданию, он «тихо и безболезненно скончался при чтении последнего Евангелия».

Судьба Татищева-ученого и его научных трудов в какой-то степени трагична. Как уже упоминалось, при его жизни опубликована только одна статья о мамонтовых костях.

Он по праву мог бы стать одним из первых русских членов Академии наук. Но по не совсем понятным причинам этого не произошло.

Его научный подвиг не был по достоинству оценен современниками. Географические труды Татищева (а также исторические, философские и другие) изданы не тогда, когда они могли принести наибольшую пользу, а гораздо позднее.

И все-таки значение этих трудов велико. Они переписывались и ходили по рукам в многочисленных списках. О них знали, ими пользовались.

Научный поиск Татищева не пропал даром. И хотя временами о его научном наследстве забывали, но затем снова и снова возвращались к нему. Так было во второй половине XVIII века, так было и в XIX столетии.

В советское время новое «открытие» Татищева как географа (и не только как географа) принадлежит А. И. Андрееву. Кроме отдельных статей о Татищеве, написанных еще в 1930-х годах, Александр Игнатьевич собрал и издал в 1950 году его избранные географические труды.

В 50-х же годах началась подготовка нового издания татищевской «Истории Российской», в которой значительное место отведено и русской географии. Это издание готовилось под редакцией А. И. Андреева, С. Н. Валка и М. Н. Тихомирова.

Семь томов «Истории Российской» изданы в 1962—1968 годах. В 1979 году опубликованы

«Избранные произведения» Татищева, в том числе и «Лексикон. Российский...».

Творчество Татищева — одна из значительных ступеней лестницы, по которой поднималась географическая наука. Он был первопроходцем, по следам которого шли другие.

За последние годы интерес к Татищеву как географу, историку, философу и т. д. продолжает нарастать. К его трудам станут обращаться и в будущем.

Конечно, изучать сегодня географию страны по Татищеву едва ли имеет смысл. Но и в наше время его труды приносят несомненную пользу. В. И. Вернадский считал, что «научное изучение прошлого, в том числе и научной мысли, всегда приводит к введению в человеческое сознание нового».

И чем внимательнее всматривается и переосмысливает каждое новое поколение научную мысль и научное наследство Василия Татищева, тем больше нового в нем открывает. Наследство это разнообразно и неоднородно. И может быть, не все из этого наследства стоит принимать. Следует учесть, что Татищев был не только ученым-новатором, но и своего рода популяризатором науки, т. е. повторял, часто в наивной для нас форме, мысли других ученых, и мысли иногда сомнительные.

И еще один парадокс Василия Татищева. Разные биографы и историки науки по-разному оценивают и его деяния, и его научные идеи. При этом самые полярные точки зрения солидно аргументируются цитатами... из самого Татищева. Дело в том, что Василий Никитич нередко противоречил сам себе. Он искал новые пути для России, он искал новые пути в науке. Искал долго, упорно и при этом ошибался, сомневался, заблуждался, пересматривал свои взгляды, противоречил сам себе. И

снова искал, искал. И понять правильно Татищева можно только в этом поиске, а не методом выхватывания отдельных цитат.

При всех недостатках и ошибках Татищева и сегодня нас не может не восхищать мощное и целеустремленное напряжение ума и всех сил для обновления страны, создания новой истории, новой географии и других наук.

Этим своим поиском он нам и интересен.

Содержание

Введение	3
Глава первая. Северная война	9
Глава вторая. На Каменном поясе	24
Глава третья. Петербург — Стокгольм — Петербург .	38
Глава четвертая. На монетном дворе	55
Глава пятая. Снова на Урале	69
Глава шестая. Оренбургская экспедиция	82
Глава седьмая. Астраханский губернатор	98
Глава восьмая. Болдино	110
Вместо эпилога	124

Шакинко И. М.

Ш17 В. Н. Татищев. — М.: Мысль, 1987. — 125,
[2] с., ил. — (Замечат. географы и путешест-
венники).
20 к.

В. Н. Татищев — один из «птенцов гнезда Петрова», историк, географ, горный инженер, администратор, общественный деятель. Автор раскрывает перед нами в основном фигуру Татищева-географа, одного из основоположников экономической географии в России. Татищев внес существенный вклад в отечественную науку и во многом опередил свое время. В частности, советская география высоко оценивает его работы, он многое сделал для организации географических работ и составления географических карт России.

Ш 1905020000-094
004(01)-87 146-87

ББК 26.8г

Игорь Михайлович Шакинко

В. Н. Татищев

Заведующий редакцией Ю. О. Гнатовский
Редактор В. Н. Тихомиров
Младший редактор З. П. Львова
Оформление художника А. В. Кузнецова
Художественный редактор А. И. Ольденбургер
Технический редактор Т. Г. Сергеева
Корректор Ф. Н. Морозова

ИБ № 2890

Сдано в набор 9.10.86. Подписано в печать 23.02.87. А 09042. Формат 70×100^{1/32}. Бумага для глубокой печати. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печатных листов 5,16. Усл. кр.-отт. 5,40. Учетно-издательских листов 5,04. Тираж 60 000 экз. Заказ № 1068. Цена 20 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Типография издательства «Калининградская правда», 236000, Калининград обл., ул. Карла Маркса, 18.